

У СУДЬБЫ НЕТ ПРИЧИН
БЕЗ ПРИЧИН СВОДИТЬ ПОСТОРОННИХ.

КАЛЕРИ

Someone Like U

ЧАСТЬ II

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАРСИ ХОУП

Дарси Хоуп

КАЛЕРИ. Someone Like U

«Автор»

2025

Хоуп Д.

КАЛЕРИ. Someone Like U / Д. Хоуп — «Автор», 2025

Джейн знала, как сильно решение переехать в Англию изменит ее жизнь. И все же она рискнула принять предложение человека, некогда случайно ворвавшегося в ее размеренную жизнь. Вот только он – популярный актер и любимец Британии. Оказалось, что его слава сияет так ярко, что Джейн отведено место лишь в ее тени. Она позабыла о собственных мечтах, а семейная жизнь оказалась не так сладка. Но неожиданная встреча с прошлым меняет привычный уклад ее лондонской жизни. И вновь Джейн предстоит сложный выбор: сберечь то хорошее, что уже создано, или откликнуться на зов сердца?"Калери. Someone Like U" - вторая часть истории о любви в свете софитов и вспышек фотокамер, о неизбежности судьбы и поиске себя.

© Хоуп Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	64

КАЛЕРИ. Someone Like U

Посвящается Тебе: за всё и навсегда.

Глава

Дарси Хоуп

КАЛЕРИ

Все имена, персонажи, места, события и происшествия, фигурирующие в этом произведении, либо являются плодом воображения автора, либо используются с художественной целью. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, является чистой случайностью.

Часть 2

SOMEONE LIKE U

У судьбы нет причин без причины сводить посторонних.

– 2009 –

– Лондон, Великобритания –

Глава 1

64 дня до моего возвращения

ДЖЕЙН: Окна кухни выходили на маленький палисадник, а первые лучи солнца уже играли на влажных после дождя листьях деревьев.

Сделав несколько глубоких вдохов, чувствуя, как свежий воздух смешивался с ароматами привычного утреннего кофе, я поставила чайник на плиту, чтобы закипела вода. Черный чай, крепкий и терпкий, был обязательной частью ритуала *его* начала дня. И непременно требовалось заваривать так, чтобы напиток был насыщенным, но не слишком горьким. Это традиция.

Колбаски обжаривались на горячей поверхности сковородки, медленно издавая тот характерный шипящий звук, который служил музыкой моего утра. Момент этот всегда был особенно волшебным, поскольку готовить *для него* завтрак порой не удавалось из-за плотного графика съемок и частого отсутствия, отчего *наша* семейная жизнь стала напоминать сожительство двух глубоко родных людей.

Разрезав несколько помидоров на половинки, я обжарила их на той же сковородке, где минутой ранее шкворчали колбаски, чтобы те слегка подкарамелизировались, после чего аккуратно разбила яйца в горячую сковороду, старательно сохраняя желтки целыми. Мне хотелось порадовать его этим утром. Хотелось, чтобы получилось идеально – легкая корочка под белком и жидкий желток, который, как *он* часто говорил, был важной частью совершенной утренней трапезы в моем исполнении, и в который он непременно станет окунавать свежие, обжаренные до хрустящей корочки тосты с небольшим количеством сливочного масла.

Но проснулась я этим утром немногим раньше мужа не оттого, что спешила порадовать, поскорее накормить и проводить его в очередной сложный съемочный день. Вовсе нет.

Сегодня мне приснился *ты*. Впервые за столь долгое время.

Я не помнила ничего из своего сна, только то, как ты смотрел на меня своим привычным взглядом, таким живым и притягательным, полным неуловимой уверенности, которая в свое время так меня притягивала. Это был странный сон, где мы не говорили. Ты стоял, а я про-

сто смотрела на тебя, чувствуя, как внутри разгорается смесь удивления и растерянности от неожиданной встречи.

Почему я все еще не могу забыть тебя так просто, как забывают людей, которых не ждут обратно?

Во сне ты даже не был удивлен. Ты будто знал, что я пришла, что это я стою перед тобой. Не имея возможности сделать шаг в сторону, ноги стали слишком тяжелыми, я попыталась открыть рот, но не могла. Просто стояла и смотрела на тебя, раздражающе спокойного. И ты улыбнулся. А я пробудилась в трепещущих чувствах тревоги и растерянности.

Вообще-то я редко помню, о чем мне снятся сны, в исключительных случаях запоминаю момент, а так, в основном, только общее впечатление. А вот у мамы всегда получалось их запоминать и даже одно время она увлекалась их разгадыванием. Очередное увлечение Айрис Фрост, коих было такое множество за мое детство, что впору составлять списки.

Услышав, что Дэниел уже проснулся и принимает душ, я вынесла приготовленный на двоих завтрак на веранду на заднем дворе нашего нового дома и с наслаждением грелась в ласковых лучах утреннего солнца, проглядывающих сквозь белые пушистые облачка, стремившиеся закрыть собой яркую звезду небосвода. Для Лондона такая погода была привычной. И обманчивой. Даже в разгар лета.

Вчера Дэн вернулся со съемок на юге Шотландии. Мы проболтали с ним до поздней ночи, а потом занимались любовью. Как и всегда.

Очередной боевик с его участием, который требовал от него физической подготовки и неотвратимо много времени отсутствия дома. Он то и дело сетовал на занятость, грозился покинуть проект, говорил, что все это ему не нравится, что он переживает, оставляя меня дома совсем одну. Но я ему уже не верю. Чего стоит только этот блеск в его глазах, когда он говорит о съемках или об очередном фильме! Все эти съемочные будни, разъезды, пресс-туры, интервью, фотосессии и премьеры хоть и жутко выматывают, но я вижу, как сильно они радуют его. И я радуюсь вместе с ним. За него. Вот так просто.

Я достала из небольшого плетеного сундучка на окне веранды книжку, которую оставила здесь день или два назад. Очередная, завлекшая меня в свои сети, любовная история. Говорят, о любви читают те, кому не хватает ее в реальности, тем самым восполняя невидимые бреши в своей жизни.

Мне стоило задуматься уже тогда, правда ли это.

Любовь.

Сколь обыденно теперь звучит это слово. Уже без налета тайны и ожидания. Люди в браке перестают говорить друг другу о любви каждые пять минут примерно через полгода-год совместной жизни. Все чаще произносят его как ложь. Ты так или иначе перестаешь верить человеку, если он постоянно говорит о том, что любит тебя. Поначалу слова «я тебя люблю» резонируют с внутренним огнем вашей страсти, выжигаящем себе место на уровне клеточной памяти, но вскоре вы перестаете замечать их. Эта фраза становится похожей на очередное «доброе утро». Исчезает ее искренность. Вот вам и первая семейная ложь.

Неожиданный легкий стук по дверному стеклу прервал мои рассуждения.

– Доброе утро, любимая, – Дэниел склонился ко мне и поцеловал.

Он без промедления сел завтракать, расхваливая мои кулинарные способности. Подобная похвала уже не воспринимается мной как нечто особенное – Дэниел просто очень хорошо воспитан и знает, как угодить своей женщине.

– Я бесконечно скучаю по твоим завтракам во время длительных перелетов. Континентальный завтрак в отеле был просто отвратителен! Приходилось просить Лору заказывать еду на съемочную площадку. – Дэниел осторожно мокнул кусочек хрустящего хлеба в желток и с наслаждением отправил в рот, после чего обезоруживающе улыбнулся и подмигнул мне.

Я прыснула со смеху, наслаждаясь его маленькими радостями, к которым имела сегодня непосредственное отношение.

С каждым днем мне становилось все сложнее проживать свое одиночество в замужестве с ним. Я перестала сопровождать его примерно год назад. И как же приятно услышать, что он скучает и думает обо мне, когда улетает на съемки.

А еще я безумно люблю его улыбку. Всякий раз сердце замирает, а на душе становится тепло от осознания того, что *хоть иногда* эта улыбка всецело принадлежит мне.

– Как ты себя чувствуешь?

Вот оно.

– Все хорошо. Сдала анализы позавчера. Тебя ждут завтра утром. Если что-то изменилось, я могу попробовать перенести твой визит в клинику.

– Нет, нет. Я помню про завтра.

Дэниел быстро доел завтрак, пока я все еще с беспристрастной периодичностью смотрю на черную лужицу кофе в своей чашке. Ощущение спешки не покидало нас практически никогда.

Чаще всего, собираясь на работу, он был напряжен, всецело поглощен чтением сценария либо своим имиджем, в зависимости от расписания его дня, а еще чаще исчезал в дверях, не прекращая телефонный разговор с Лорой, главой пиар-отдела. Случалось и она залетала к нам в дом с кофе для меня и чаем для Дэна в сопровождении Патрика, которого Дэн около года назад назначил ответственным за безопасность нашей знаменитой семьи. Но последние месяцы я перестала принимать участие в их собраниях в гостиной на первом этаже, если только на то не было крайней необходимости.

Оттого в такие дни, как этот, я понимала, что мои усилия сделать утро своего мужа комфортным становились незначительными. Однако прощание всегда контрольным выстрелом пресекало любые сомнения, возникавшие в моей голове – он целовал меня на прощание столь сладко и волнительно, словно всегда в последний раз. А затем его внимание вновь ускользало от меня, он спешил убежать к своей привычной работе, к новой роли, к новым людям, которые, казалось, понимали его без лишних слов.

– О чем книжка? – спрашивает Дэн, поднимаясь и оправляя штаны и светло-голубую тенниску с эмблемой крокодильчика.

Я не спешу с ответом. На самом деле, ему абсолютно не важно, что я читаю, и спрашивает он исключительно из любезности – привычное проявление заботы. Он целует меня в макушку и напоминает о том, чтобы я не забыла выбрать платье для субботнего благотворительного вечера у Ричардсонов.

– Нам необходимо там появиться вместе.

– Это каким-то образом связано с твоим новым проектом? – допытываюсь я.

Он недоверчиво разглядывает меня, но все-таки находит ответ, слегка прищурившись.

– Ты не хочешь идти.

– Нет, я хочу. Просто...

– Ты не хочешь идти.

– Я же говорю, что хочу. Все равно сижу дома.

– Джейн?

– Я поеду выбрать платье на этой неделе, – со вздохом произношу я. Он выпрямился и тотчас заглянул в свой BlackBerry¹.

¹ Модель смартфона, популярная среди бизнесменов, политиков и знаменитостей в 2009 году, особенно в Великобритании, благодаря удобной клавиатуре и фокусу на электронной почте и мессенджерах, таких как Twitter и Facebook, что помогало оставаться на связи с фанатами и коллегами.

– Возьми с собой Патрика или Луизу. Я попрошу ее узнать, кто из модных домов готов предоставить платье и украшения.

Мы молчим некоторое время. И я подмечаю, что облака сегодня одержат победу над солнцем – тех с каждой минутой становится больше.

Знаешь, я научилась носить солнцезащитные очки. Круглый год. Вне зависимости от сезона. Совсем как Виктория Бэкхем. И вовсе не потому, что в Лондоне меня слепило солнце.

В городе, который стал для меня родным за эти несколько лет, солнце будто играло в покер с дождем: блефовало, замирая за нарастающими тучами, тогда как уже готовишься раскрыть зонт, ставший неизменным атрибутом твоего гардероба, а оно в миг выходит ярким слепящим ореолом, в очередной раз обманув всех вокруг.

Порой и дождь выигрывал у солнца. Днями. Тогда я предпочитала сидеть дома в уютном кресле с книгой, если не нужно было идти с супругом на премьеру или следовать за ним на съемки в другой город или страну.

И все же, солнце слепило реже, чем вспышки фотокамер преследовавших нас папарацци. Они довольно беспринципно нарушали личное пространство, и Дэниелу приходилось бронировать охрану в продюсерской компании, дабы мы вообще могли спокойно выбраться из машины. Так было весь первый год.

Сумасшедший год, запомнившийся миру тем, что Бритни сбрила свои чудесные волосы на фоне освещенного публично разлада в отношениях с Федерляйном, выпустив следом два самых успешных альбома за всю свою музыкальную карьеру, а Стив Джобс анонсировал выпуск первого Apple iPhone. Это потом Хит Леджер посмертно получил свой Золотой Глобус за роль лучшего Джокера в истории, сыграв маниакального героя комиксов в экранизации непревзойденного мастера кинематографии – Кристофера Нолана, а всеми любимый «Секс в большом городе» не менее успешно перекочевал с телевидения в кинотеатры, сорвав овации по сбору кассы, превысившей цифру вложенного бюджета в целых шесть раз.

А еще это был год, когда все просто помешались на успехе моего жениха в блокбастере «Ночной дивизион». Отчасти с ума сходили еще и потому, что мы были обручены на тот момент уже год, но никак не раскрывали свои планы на счет даты свадьбы, которую вынужденно перенесли в связи с неожиданно возникшим на горизонте многообещающим для Дэниела проектом.

Примерно два года после официального заявления в прессе о наших с Рейнолдсом отношениях фанатки все еще не могли поверить, что у Дэна и Кристин Батлер² не случился «кинороман в реальной жизни». Не удивлюсь, если кто-то даже мечтал выкрасть меня и отправить обратным рейсом в Чикаго. (Словесные баталии в комментариях под новостями тогда разгорались нешуточные.) На всех выходах, светских мероприятиях, ковровых дорожках Дэниел держал меня за руку, ни на мгновение не разрывая контакт.

– Ты мое сокровище. Моя любовь и моя поддержка, – говорил он, нежно касаясь губами моей щеки под многочисленными вспышками фотокамер. А я смущенно краснела и плавилась под взглядом его серо-голубых глаз.

Мало кто знает, что предложение Дэниел сделал мне на одной из громких премьер фильма с его участием. Помнится, в тот день наша пара была воплощением элегантной изысканности. Черный струящийся шелк очередного невообразимо дорогого платья приятно холодило кожу, плавно переходя в пышную юбку, а ткань переливалась в лучах прожекторов и фотокамер.

– Улыбнись, любовь моя. Все смотрят, – тихо прошептал Дэниел, обвивая рукой мою талию, горячей ладонью лаская бедро. В каждом его прикосновении была нежность, восхищение и контроль.

² (прим.автора) Британская актриса, партнерша Дэниела по фильму из первой части «Калери. Somebody's Me».

Я стояла там, на красной ковровой дорожке, чувствуя в очередной раз, как внимание всех вокруг словно невидимой паутиной обвивало нас. Но в этот момент, как ни странно, мир сузился до одного человека. Взгляд Дэниела, такой прямой и спокойный, почти не замечавший направленных на него камер и фотоаппаратов, словно он был где-то далеко от всей окружающей нас суеты.

Вслед за моей смущенной улыбкой, когда мы стояли на обозрении сотен неизвестных людей, каждый из которых исполнял свои обязанности, его лицо вдруг приблизилось к моему уху, и я почувствовала его дыхание – теплое и тихое. Он не сказал ничего громкого, но заставил весь мир вокруг остановиться. Шепчущим голосом, будто это предназначалось не для всех, а только для нас двоих, он произнес слова, которые заставили мое сердце биться быстрее, несмотря на адреналин и без того бурлящий по венам во время выходов на премьеры и публичные вечера.

– Ты выйдешь за меня?

Я не сразу поняла, что он сказал, так как вся эта тишина в его голосе и в моем сердце словно в один миг слились в одно. В его шепоте не было ни капли пафоса или импровизированного спектакля. Дэниел просто спросил. И я вдруг поняла, что все это – не случайность, не момент слабости. Он действительно хотел этого.

Мой ответ не заставил себя ждать.

– Да, – прошептала я.

Все, что я видела в тот момент, был только он. Я дышала им. Я тонула в глубине топленого серебра его глаз. И совсем не важно было, что вокруг нас продолжался этот бесконечный светский танец, когда я поцеловала его на глазах у ликующих папарацци. Снимок столь знаменательного для нас двоих поцелуя всегда украшает каминную полку в гостиной любого нашего дома.

А через год после нашей свадьбы, фотосъемка которой была продана британским таблоидам за менее баснословную сумму, чем смогли выторговать своим рождением близнецы Брэнджелины, все изменилось. Телефонам iPhone едва исполнился год, Instagram не существовало, мир поглотила «сумеречная» волна, разделившая женскую половину на team Edward и team Jacob³, а Леди Гага и Кэти Перри еще не были нарицательными именами, когда мой Дэниел наслаждался растущей популярностью.

Фанаты Дэниела разделились на два лагеря: тех, кто был рад за нас, и тех, кто несмотря на историю любви, распиаренную по всем возможным источникам, делал ставки на наше скорейшее расставание. Многие утверждали, что я вышла за него только из-за популярности, приписывали мне жажду денег и чуть ли не молились о том дне, когда я раскрою свои истинные мотивы. Но у Дэниела были и самые преданные почитатели, что приняли меня как его выбор. Фан-клуб поклонниц даже присылал цветы на мой день рождения каждый год с коллажем из наших совместных с Дэном фотографий.

Вот так мир с нарастающей прогрессией сходил по Дэниелу с ума. Он купался в лучах славы, тогда как я держалась в тени, все чаще оставаясь возле него, за ним. Казалось естественным, позабыть про себя, свои интересы и то, чего я хотела достичь.

Когда мы с Дэниелом только встретились в том книжном магазине в Чикаго, я не могла и представить, как много он изменит в моей жизни. Не только в том, как она будет выглядеть в глазах окружающих, но и в том, как я буду ощущать ее сама день ото дня, как наша приватность станет важнейшей ценностью.

³ Имеется в виду выход второй части Сумеречной франшизы о любовной вампирской истории Беллы и Эдварда, главные роли в которой сыграли Кристен Стюарт, Роберт Паттинсон и Тейлор Лотнер. Волна фанатской любви феноменально отразилась в последующем развитии вампирской тематики как отдельного под-жанра в литературе и кино.

Прошло уже четыре года, а кажется будто это было вчера. Меня спрашивают: *«Каково это было сменить страну проживания, просто согласившись на брак со знаменитым киноактером после нескольких месяцев знакомства? Каково это жить со звездой?»*. А я не знаю, что ответить, ведь я просто последовала за предложением человека, которого искренне считала любовью всей своей жизни. Я была счастлива. Но я совру если не скажу, что скучала по привычному образу жизни, по дому, по друзьям, по тебе. Странно, да?

На начальных этапах нашей совместной жизни в Лондоне, я, конечно, продолжала быть в центре внимания. Вся эта феерия – его интервью, публичные события, выходы на красные ковры – привлекала ко мне внимание, и все это время я ощущала давление, словно за каждым моим шагом, если не вздохом, кто-то наблюдал.

Папарацци, обзоры светских хроник, таблоиды... Я была знакома с этим с тех пор, как начала встречаться с Дэниелом, но все невообразимым образом обострилось, когда мы поженились. А это означало, что каждый момент нашей жизни рассматривался под лупой, даже если до всего этого я старалась быть незаметной.

Всего за одну ночь я превратилась из *«американки, сбежавшей за красавчиком из кино»* в женщину британского актера – надежду многих кинокомпаний, ведь его желали заполучить к себе в фильм лучшие режиссеры мирового кинематографа. Ему давали право выбора на участие в том или ином фильме после прочтения сценариев, одобренных командой менеджеров. Фотографы все также преследовали его по пятам на улицах Лондона, Токио, Лос-Анджелеса. Это был бесконечный круговорот следовавшей по пятам популярности.

Но Дэниел... он был настоящим мастером игры с прессой. Он не позволял никому прощупать нас, нашу жизнь. В отличие от других знаменитостей, которые просто ждали, если не напрашивались, когда кто-то раскроет их секреты, он сам устанавливал правила игры.

На всяческих интервью Дэн всегда умело уходил от ответов, переводя все внимание на свою работу. Он был готов говорить о ролях, фильмах, о работе с партнершами по съемочной площадке, но только на одном вопросе его взгляд становился жестким. Когда журналисты начинали спрашивать о нас как о его семье, он всегда отвечал так, словно этих вопросов не существовало.

– Я предпочитаю не обсуждать семейную жизнь в интервью.

И когда их вопросы продолжались, он просто смягчал свой ответ, упоминая, как сильно он любит меня, но никогда не раскрывая и малейших подробностей. Дэниел всегда говорил с таким почтением о нашем браке, с таким чувством, что никакая сплетня или ложный слух не мог бы поколебать той связи, что есть у нас.

Он даже научил меня этому. На публике я перестала быть центром внимания. Меня больше не спрашивали, как я себя чувствую, не обсуждали мои наряды или что я могу сказать об игре Рейнолдса в том или ином фильме, едва мне стоило выйти на улицу. Весь интерес Дэниел очень умело, шаг за шагом сосредоточил на себе – и это послужило невидимой защитой для нас обоих. Это было комфортно, несмотря на всю напряженность. Я с детства не любила быть в центре всеобщего внимания, меня беспокоило, что мои личные переживания могли стать предметом обсуждения на страницах газет и журналов. Так что, когда Дэниел уводил разговор в сторону своих проектов, я испытывала к нему благодарность.

«Когда мы уже услышим приятные новости о пополнении?», «Есть ли планы на наследников?», «Новые слухи о беременности вашей супруги – это правда?» – ему часто задавали подобные вопросы на интервью, но он всегда отвечал:

– Сейчас детей в нашей жизни нет. И в этом нет ничего, что я бы хотел обсуждать публично.

При этом его взгляд становился более холодным, он отворачивался от камеры или быстро менял тему. Я замечала, как его лицо приобретало отстраненное и напряженное, но не злое выражение, когда вопросы касательно нас и нашей личной жизни то и дело возникали. Благо-

даря Дэниелу и работе его пиар-команды во главе Лоры Харпер, все семейные радости, ссоры и праздники всегда оставались за кулисами его публичного образа.

На момент моего знакомства с Лорой, эта звонкоголосая, круглолицая блондинка уже второй год возглавляла пиар-отдел моего супруга. Не имея возможности даже временно отстраниться от Дэниела, она долгое время оставалась холодна ко мне, воспринимая как *инородный элемент* в команде. Не исключено, что она также принимала участие в ставках на завершение наших отношений с Рейнолдсом в ближайшие сроки.

Поступок Дэниела весной две тысячи пятого года, когда он, наплевав на обязательства и договоренности со студиями, вопреки продуманной стратегии пиар-романа с Кристин Батлер, прилетел в Чикаго, чтобы помириться и забрать меня в Лондон, представив мировой общественности как *свою девушку*, оказался для Лоры полным сюрпризом. Конечно, в шоу-бизнесе такие ситуации могут случаться, но все же Лора восприняла его поступок как личную обиду – Дэн как будто игнорировал советы, подставлял не только себя, но и ее, рискуя серьезно подпортить созданную для него командой репутацию, задав неожиданный, весьма непредсказуемый курс.

В какой-то мере, Лора воспринимала меня как очередное *сентиментальное* увлечение Дэниела, который слишком *поспешил* с серьезными отношениями, не обдумав возможные последствия для своей карьеры. Но умению этой молодой девушки, сочетающей в себе легкость и утонченную элегантность, не смотря на построенную карьеру и большую ответственность, мы с Дэниелом должны были быть благодарны. Ведь именно ей удалось за короткий срок вернуть смещенный вектор внимания фанатов в выгодное направление, правильно воспользовавшись и грамотно управляя лавиной информационного шока, что повлекло за собой раскрытие деталей наших с Дэниелом отношений на расстоянии, а следом и мой переезд в Лондон.

Лора оттаяла постепенно. Все больше и чаще мы соприкасались с ней в поездках, где я первое время постоянно сопровождала Дэна, и она окончательно поняла, как может воспользоваться новыми переменными, перестав воспринимать меня как *помеху* или *слабость* Дэниела, удостоверившись в искренности наших чувств, и помогая мне влиться в совершенно новый, сбивающий с ног, пугающий и ослепляющий мир кинобизнеса.

За пару лет нашей с Дэниелом семейной жизни было немало надежд и пощечин. «*Не беременна*» было частым ответом на практически любое мое сомнение. И каждый раз это пошло по сердцу словно очередная пощечина.

В первый раз, когда случилась задержка цикла, я понеслась в аптеку как ополоумевшая. Мои мысли в тот момент были далеки от восприятия окружающего нас хаоса. Помню, как камеры щелкали вокруг, словно не было ничего более важного в этот день, чем мой поход в аптеку.

Стараясь не обращать внимания как каждое движение превращается в спектакль поневоле, я купила тест, не снимая темные очки, и вышла, спешно свернув за угол, воспользовавшись короткой дорогой в Кэмден на севере Лондона, где мы проживали первые полгода после свадьбы, не спеша подыскивать дом, поскольку большую часть своего времени проводили в отелях разных городов и стран.

Но этого единственного выхода было достаточно, чтобы уже через несколько часов вся страна обсуждала, как я на фото складываю тест в сумочку.

Снимок был феноменально точным и не оставлял сомнений.

«*Дэниел и Джейн: будут ли они родителями?*» – пестрели заголовки британской прессы и желтые страницы сплетен. Шумная, скандальная волна прокатилась по всему городу, не сумев перекрыть собой разве что только слухи о временном расставании принца Уильяма и Кейт, и обсуждения о ее семье, публичных появлениях и рассуждения на тему «*потенциальной будущей королевы*».

Я ничего не говорила по этому поводу в тот день, хотя голова была переполнена и раздражением, и стыдом, и внутренней тревогой. Я дождалась, когда Дэниел вернулся домой, встревоженный не меньше моего. А когда я вышла из ванной с использованным по инструкции тестом, мы вместе стали ждать результата.

– Как ты себя чувствуешь?

– Тревожно.

– Не переживай. Не обращай внимания, – заботливо сказал Дэн, сжимая меня в своих крепких объятиях так, будто знал, что в недалеком будущем нас ждет еще одна волна, которую нужно просто пережить, просто дождаться, когда все стихнет. – Уже тянет на мороженое мясо?

– С чего бы это?

– Не знаю. – Он повел плечами, снова притягивая меня к себе. Мы все также стояли у дверей ванной комнаты, из которой лился свет на узкий коридор между кухней и гостиной. – Мама рассказывала, как ее тянуло есть свежемороженное мясо, когда она была беременна мной.

– Не думаю, что все начинается так быстро. Это всего лишь задержка.

Слова прозвучали неуверенно, а руки дрожали от страха. Я была более чем уверена в своем супруге, но так уж случается, когда что-то происходит неожиданно, это сметает все планы.

Результат оказался негативным. И Дэниел принял данное развитие событий как что-то, о чем мы поговорим после его съемок в новом проекте, а тем временем мы продолжили жить как жили до этого.

Но, конечно же, ничего не стихло.

Тесты продолжали быть отрицательными, и хоть мы не спешили становиться родителями, возможно, из-за постоянного стресса мой цикл попросту решил свести нас с ума, но одновременно с этим я заметила, как очередной тест на беременность в моих руках стал сказываться на настроении Дэниела. Он просто уходил в другую комнату, сжав губы. Это была его манера справляться с разочарованием – гораздо тише и сдержаннее меня самой.

Нас словно терзало давление прессы. Мы оба знали, что нам вообще еще рано думать о детях, но при этом чувствовали странный груз – как если бы нам не удавалось пройти через что-то важное, что все вокруг считали нормальным, что удавалось остальным, а у нас не получалось. И после каждой *одной полоски*, мы будто постепенно привыкали к мысли, что нам не суждено стать родителями сейчас.

Это не стало трагедией для нас как молодоженов, которые даже любимых собак Дэниела не могли забрать у его родителей, поскольку постоянно отсутствовали дома, находясь в разъездах согласно его прыгающему графику съемок. И не смотря на долгие обсуждения этой темы тихими вечерами или за просмотром его любимых телешоу, я замечала, что Дэн то и дело становится тяжело переносить подобные удары судьбы.

Вскоре мы совместно приняли решение *пытаться* забеременеть естественным путем, окончательно подчинившись навязанной извне тревоге. При том, что анализы говорили об отличном здоровье у нас на двоих, и врачи не понимали беспокойство, которое постепенно нас заглатывало. «Просто еще *не время*», – говорили они нам и отвечали мы своим родным.

Незаметно для нас самих, мы так сильно захотели ребенка, что в какой-то момент уже начали задумываться над суррогатным материнством, как одним из вариантов, который в необозримом будущем готовы рассмотреть. Я с трудом себе представляла, как кто-то будет вынашивать нашего общего малыша, будет ощущать первые толчки, тошноту и изжогу по утрам вместо меня, но молчала. Это было умопомрачение, которому не суждено было сбыться.

Однажды на интервью Дэниелу снова задали вопрос про будущих детей, этим смутив его, и было заметно как он ощутимо закрылся по сравнению с ответами на вопросы в начале интервью. С тех пор к списку запрещенных тем добавили и прогнозы о будущем семьи, а интервью

становились все более профессиональными и менее личными. Фан-клуб также защищал право Дэна на секретность личной жизни вне стен дома, но имелись и те, кто расплывал желчь негатива на меня, впрочем, ими были явно те же люди, кто были против его брака со мной осенью две тысячи шестого года.

Конечно, в этих моментах я разделяла его боль. Он оказался очень чувствителен к вопросам о детях, и, хотя Дэн никогда не говорил об этом прямо, я знала, что для него эта тема – не просто личное пространство, а настоящее испытание. И вопрос, который все время оставался, – *когда?* – болезненно сжимал наши сердца. Мы не обсуждали это вслух с другими, но, когда оставались вдвоем, само молчание говорило громче, чем любые слова.

Несмотря на все усилия не показывать свои чувства, я также болезненно проживала эти моменты. Но Дэниел всегда был рядом.

Где бы мы не находились теперь, нас всюду преследовали папарацци. Дэн перестал отвечать на вопросы, не оставлял автографы, не фотографировался с фанатками, когда находился рядом со мной. Он тщательно оберегал меня от навалившегося на нас внимания. Он защищал нас обоих, как мог, и я постепенно начинала осознавать, что его молчание о личных переживаниях было не только стратегией защиты частной жизни, но и искренним стремлением сохранить нашу неприкосновенность от мира, от людей, что проявляли излишнее любопытство. Мы были как остров в океане публичности, а его любовь была тем берегом, к которому я всегда могла обратиться.

Постепенно интерес со стороны таблоидов за годы супружества и избегания щекочущих тем, интересовавших миллионы читателей и зрителей, угасал. Был даже период, когда мы намеренно вели себя скрытно и скромно, пренебрегая всеми ожиданиями по поводу внешнего вида, разочаровывая папарацци и тех, кто привык к идеализированным образам знаменитостей в реальной жизни.

Я показывала себя как женщину, очень отдаленную от привычного гламурного Голливуда, что не сильно отличалось от ежедневной жизни британских звезд. Дэниел нарочно ходил в одном и том же почти месяц, дабы уличные фотографы не могли сделать с ним новые фото. Мы не давали повода ярким заголовкам, и внимание прессы естественным образом сосредоточилось на новых скандалах, романах и выходах в свет других знаменитостей. Плавные разговоры о нашей вполне себе скучной, однообразной семейной жизни сошли на нет, и нас на какое-то время оставили в покое.

– Джейн?

Голос Дэниела в очередной раз вытянул меня из зыбучих песков воспоминаний, в которые я сама себя постепенно закапывала, оставаясь наедине с картонными контейнерами после переезда в наш новый дом.

Он взволнованно перехватил мой взгляд, все еще продолжая что-то печатать на своем телефоне. Не иначе как очередная переписка с пиар-отделом.

– Проводишь меня? Я уже должен идти.

– Я позвоню Луизе, когда разберусь с коробками, – успокоила его я, целуя на прощание.

Едва за ним закрылась входная дверь, я осталась одна в этом новом доме, моментально охваченная тишиной, что наполнила пространство. Так было изо дня в день, но именно сегодня все было *немного иначе*.

Гостиная смотрела на меня как незаконченная картина – уютная, светлая, с нейтральным бежевым оттенком стен, создающим ощущение простора, словно сама все еще привыкала к новым хозяевам. В углу комнаты возле больших окон стояли неразобранные коробки. Какие-то незакрытые, другие едва прикрытые пленкой, и все это выглядело так, будто мы еще не были готовы к финальной точке – переезд еще продолжался. Часть мебели уже стояла на своем месте, большой мягкий диван и светлый ковер выглядели куда более контрастно рядом с не до конца распакованными вещами. Не смотря на всю эту незавершенность, было что-то искреннее

в этом доме, который мы обустроивали заново для себя. И коробки в углу были просто частью этого пути.

Я прошла в дальнюю комнату, что служила кабинетом и библиотекой. Стеллажи были заполнены различными книгами, словно исполнившаяся детская мечта. Удивительно, что эту комнату, как и спальню, и кухню, я обустроила практически в первый день после переезда.

– Мне кажется, предложи я тебе заночевать в этой домашней библиотеке, ты не откажешься, – пошутил тогда Дэниел, придя за мной поздним вечером, чтобы насильно увести от разбора полученных из Чикаго коробок с книгами. Я уже несколько часов к ряду переставляла их с полки на полку.

– Я так скучала по ним, если бы ты только знал, – мечтательно ласково произнесла я, прижимая к себе парочку книг. Айрис заботливо упаковала каждую, потому я сидела в ворохе оберточной бумаги, словно в облаке из пекарского папируса. Интересно, сколько рулонов ушло у мамы на все это?

– Порой мне кажется, что по книгам ты скучаешь больше, чем по мне.

– Не ревнуй. Мы просто очень давно не виделись. И нам всегда есть о чем поговорить.

– Пойдем спать. Завтра продолжишь свою перестановку.

Дэниел нежно коснулся ладонями моих плеч, помогая встать. Бумага зашуршала вокруг и под ногами.

– Еще чуть-чуть и я приду...

– Джейн, ты говорила мне это полчаса назад, – с улыбкой произнес мой муж, перехватывая у меня из рук книгу и отправляя ту обратно в коробку.

– Дэн, нет! Ей будет скучно одной! Положи ее на полку к остальным, – молила я, подыгывая ему, вопреки тому, как он ловко поднял меня на руки и понес из комнаты. – Пожалуйста!

– Ладно, ладно... – он вернулся, так и не спустив меня на пол, и переложил книгу из коробки на полку. – Теперь довольна? Мы можем идти спать?

– Да, – я с нескрываемым восторгом смотрела на полупустой стеллаж, который мне еще предстояло заполнить, пока он уносил меня в спальню.

Я искренне верила, что этот кабинет станет пристанищем моих фантазий и бесконечных творческих дней. Я представляла, как буду однажды писать свои романы, любуясь сменой лондонской погоды в саду за окном, но вот уже который месяц я не могла напечатать ни слова.

А сегодня я оказалась здесь для того, чтобы в очередной раз за эту неделю опуститься в кресло и включить ноутбук. Затянувшаяся пауза перед загрузкой экрана показалась мне вечностью. И вот пальцы сами потянулись к клавишам. Я открыла страницу Facebook, войдя в аккаунт не под своим именем, поскольку пиар-отдел запрещал мне вести какие-либо социальные сети, в том числе LinkedIn и Twitter, привычным жестом пролистала ленту, пока не увидела знакомую фотографию.

Несколько дней назад, когда случайно наткнулась на афишу спектакля «Веер леди Уиндермир» в твоей ленте Facebook, я не могла поверить собственным глазам. Я давно поняла, что ты сменил широкие экраны на театральную сцену, но на твоей странице практически ничего никогда не менялось вот уже несколько месяцев, пока однажды ты не репостнул к себе сообщение с основной страницы Чикагского театра, где сообщалось, что они *«отправляются на гастроли в Лондон»*.

В одно мгновение все внутри меня оборвалось. Вернулись мысли, запахи и чувства, которые я так давно пыталась спрятать. Даже закрыв страницу браузера, я продолжала видеть перед собой эту афишу, ее цвета и слова продолжали вертеться в голове до глубокой ночи. Как будто сама жизнь начала набирать скорость, снова вплетая тебя в мой день, в мою новую реальность.

И вот я снова смотрела на нее, в очередной раз скользя взглядом в поисках твоего имени мелким шрифтом внизу справа.

Шон Кейн. В Лондоне.

Глава 2

58 дней до моего возвращения

ДЖЕЙН: Официантки с непринужденной легкостью передвигались с подносами по залу, время от времени останавливаясь рядом с гостями. Как и положено, шампанское подавали в высоких, вытянутых бокалах с длинными ножками, идеальными для того, чтобы подчеркнуть изысканность момента и позволить подольше наслаждаться его вкусом.

Засмотревшись на пузырьки, искрящиеся в светло-золотистой, почти не тронутой жидкости, которые словно ловили свет, отбрасывая блистающие блики на стекло, я старалась поддерживать разговор с дамой средних лет – супругой соучредителя «The Heartlight Foundation», амбассадором которого Дэниел был уже не первый год. Его опыт, статус и популярность позволяли привлекать внимание общественности и средств для реализации амбициозных культурных проектов этой благотворительной организации.

Мерedit Браун-Блайт могла часами болтать о главной миссии фонда своего супруга Руперта Брауна, направленного на поддержку искусства и культуры среди малообеспеченных слоев населения. Меценатство давало возможность организовывать по всему миру благотворительные спектакли, выставки, концерты, мастер-классы, а также стипендии для обучающихся в лучших кино- и театральных школах мира. И сейчас Мерedit считала важным рассказать мне о новой инициативе их учреждения, каких-то проектных планах на следующий год, и я старательно делала вид, что слушаю, улыбаясь, кивая, отвечая пару раз фразами, которые можно было бы подставить вместо реального проявления интереса. Ее голос, помимо гудения окружающих разговоров и тихой классической мелодии на фоне, был как шумная, утомительная, непрерывная музыка – ты слышишь ту издали, но не можешь понять ее слов, как ни стараешься.

Внимание ускользало к группе женщин, окружавших моего знаменитого мужа. Он всегда был в центре на таких вечерах. Его искренняя улыбка, манера поворачивать голову в нужный момент, заигрывать с дамами, шутить и смеяться – Дэниел играл свою роль с определенной целью, каковой бы та ни была. В этом мире гламура, полном софитов и блеска, света и камер, я становилась для него *одной из многих*. Он наслаждался обращенными на него взглядами, его харизма манила сотни людей, в то время как я была всего лишь его тенью, его *плюс один*.

Этот мир вечеринок и глянца становился мне все более чуждым. Здесь, где Дэниел был как рыба в воде, где его харизма разливала свет, я все более чувствовала себя ненужной. Именно по этой не озвучиваемой вслух причине я реже стала сопровождать супруга на подобных приемах, если того не требовал пиар-отдел или статус мероприятия. И единственным желанием моим становилось – чтобы он вернулся ко мне и оказался рядом, чтобы хоть на короткий миг быть *по-настоящему рядом* в обществе знакомых лишь ему людей.

– Честно говоря, мне всегда казалось, что все это излишне. Столько шума, столько людей, зачем весь этот показной лоск и шум? – слова Мерedit перетянули на себя мое внимание. Я сдержанно улыбнулась, сделала вид, что пригубила глоток шампанского, ощущая утонченный и освежающий вкус лимона и миндальной сладости на губах.

– Знаете, в вашем деле иногда трудно отличить, где заканчивается действительно важное, а где начинается представление, – произнесла я и тотчас почувствовала, как слова слишком прямо отразили мои собственные внутренние переживания, потому поспешила добавить: – Но если это помогает, то почему бы и нет?

Мерedit засмеялась, явно не углядев скрытого смысла в моем высказывании.

– Вы такая чудесная, Джейн! А ваш муж – настоящее сокровище для нашего фонда и для кинематографа! В нашем деле без определенной игры не обойтись, не так ли? Вот я бы точно не смогла играть на публику. Все эти эмоции на заказ...

Она продолжила говорить, а я поймала себя на мысли, что наш разговор был не более чем обычной светской болтовней, лишенной какой-либо глубины. Я бы с легкостью предпочла пустословию одиночество с книжкой в руках.

Грудь сжимало легкое беспокойство, не ревность, скорее, нарастающее раздражение от бессмысленности происходящего. Внезапно для себя самой я вспомнила афишу театра с твоим именем. Рекламные баннеры о гастролях Чикагского театра в Лондоне все чаще стали попадаться мне в новостной ленте по вечерам. По какой-то причине я отчетливо представила как очень давно, в студенческие годы, на репетициях во время разминки с группой, ты отпускал свои шуточки, намереваясь получить мою реакцию на все, что делал. На короткий миг я вернулась в свое прошлое, где не было светских мероприятий, папарацци и напрягающего, вездесущего любопытства со стороны.

Взгляд мой невольно скользнул по фигуре Дэниела. Одна из окружавших его женщин рассмеялась так звонко, что смех этот показался почти интимным. Я видела, как они склонялись к нему, как их руки ненавязчиво касались его плеча, как его взгляд задерживался на одних собеседницах дольше, чем на других, и как все это выглядело *естественно*, что не оставляло сомнений – они хотели большего. Дэниел, конечно, не замечал этого. Он был профессионалом, мастером оболъщения, и это было частью его обаяния. Дэн был знаменитостью, внимание которой пытались урвать себе эти дамы, но для меня он был просто мужем. Мы жили в бешеном ритме столичного Лондона и его карьеры, и я привыкла к тому, что он всегда привлекает внимание. Но каждый раз, когда это происходило, мне становилось все труднее *не замечать*.

Его смеющиеся глаза, его темно-синий костюм, в котором он выглядел словно сбежавшим со свежих страниц глянцевого журнала – все это ощущалось слишком ярко и поверхностно, в то время как сама я оставалась среди людей, с которыми, в сущности, не хотела находиться. Шум, разговоры, легкий запах духов, шампанское – все это казалось далеким и чуждым, а тело вынужденно оставалось здесь, притворяясь частью этой картины.

Неожиданно я почувствовала, как взгляд Дэниела наконец остановился на мне. Наши глаза встретились и на мгновение все вокруг словно исчезло. Его лицо смягчилось, будто отзываясь на меня. Он чуть наклонил голову, как бы извиняясь передо мной за свое временное отсутствие, но так и не подошел, снова предоставив себя женщинам, которые восхищенно вникали его словам, в то время как смех и разговоры сливались в непрерывный шум в переполненном зале.

Я стиснула зубы, но улыбнулась – жест, который частенько использовала, скрывая за ним свои реальные чувства. Я оглядела зал, пытаюсь отвлечься, не в силах больше стоять здесь и смотреть на это. Вздохнув, я отвернулась, извинилась перед ничего не подозревавшей хозяйкой вечера и проследовала к бару в противоположной стороне. И вот, стоя со стаканом воды у барной стойки, я слегка отстраненно наблюдаю за всем происходящим и пытаюсь успокоить нервное напряжение, которое чувствовала уже несколько часов.

Знаешь, каждый час жизни – даже самый скучный внешне, вроде ожидания автобуса серым дождливым вечером – посылается для чего-то определенного. Для некоего внутреннего открытия, безумно важного для всего последующего. В жизни нет неважных моментов и скучных кусков, но есть куски запоротые или недопонятые. Когда все в жизни хорошо, мы начинаем придумывать себе проблемы, а принимаясь за их решение, упускаем из виду, как медленно делаем шаг назад. В этом и таится скрытый смысл: мы сдаемся при малейших неудачах в намеченном плане, порой забывая, что жизнь сама подсказывает нам, в каком направлении двигаться.

– Ты в порядке? – Патрик, наш начальник охраны, оказался рядом, едва мне удалось остаться в одиночестве. Он был чуть ли не единственным человеком, видевшим зарождение нашей пары, а затем и семьи. Ввиду профессионализма он всегда оставался спокоен, а голос его был мягкий и обыденный, но с той самой заботой, что редко показывают словами.

Я незаметно кивнула и попробовала улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Слишком натянутая, слишком фальшивая. Я вновь посмотрела в зал и обратила внимание на Эмбер Тейт – актрису, с которой Дэниел снимался в последних нескольких фильмах франшизы. Она была привлекательна, с тем легким, но явно ощутимым флиртом в манере разговора и движениях. Рано выйдя замуж за оператора-постановщика Арамира Флавио, Эмбер уже сейчас могла похвастаться двумя очаровательными дочками, превосходной мордашкой и фигурой, столь востребованной на широких экранах, в экшен боевиках и триллерах. Она стояла рядом с Дэниелом и бескомпромиссно скользила взглядом по его телу, по его лицу, так открыто и нагло, как если бы не было никакой границы между ними.

Не имея возможности расслышать, о чем они разговаривали, я могла лишь строить догадки, наблюдая за тем, как оба наглядно демонстрировали интерес. Дэниел, не скрывая своей симпатии, что-то увлеченно рассказывал ей. И явно наслаждался ее присутствием. Фантазия перемешалась с реальностью, когда я заметила, как его взгляд смещается в сторону ее губ, а улыбка становится немного расслабленной и даже чуть более личной.

Я вздохнула и отвернулась, сдерживая собственное дыхание. Гордость и ревность... Все переплелось. Гордость за него – за его успех, за то, что он талантлив, востребован и что его ценят. Но ревность... Чувство угрозы, которое я в последнее время не могла скрыть. Он был моим мужем, а я была его поддержкой. Но была ли я готова делить его с миром шоу-бизнеса? С этими многочисленными вздыхающими по нему женщинами? Я всегда знала, что жизнь наша будет публичной: слежка папарацци и тесная работа с другими актрисами были неминуемы. Но чувства, в очередной раз захватившие меня сегодня, заставили впервые по-настоящему сомневаться.

И ведь он никогда не обманывал. Он смотрел *на меня*. Он *всегда* смотрел. Он всегда любил, и всегда выбирал *меня*. Но что-то в этом безумно легком взаимодействии с Эмбер спровоцировало ощущение едва заметных трещин, расползавшихся у основания наших отношений. А все потому, что его внимание из года в год рассеивалось между мной и этим миром, и мне приходилось бороться даже за его внимание.

Что-то болезненно сжалось в груди. Патрик все еще стоял рядом, наблюдая за залом. Он заметил мой взгляд, обращенный на него, и немного покачал головой, как будто знал, о чем я думаю, но не решался произнести это вслух. Я тихо улыбнулась ему, пытаясь скрыть усталость и бушевавшую внутри меня бурю.

– Иногда трудно не заметить, как легко он нравится всем вокруг, – произнесла я, вращая в ладонях стакан с водой, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Приходится делить его с остальным миром.

– Может быть, это и есть цена славы? – после недолгого молчания неожиданно сказал Патрик.

Может быть. Я часто стала думать о том, что должна принять происходящее, ведь я выбрала его. Я сама выбрала эту жизнь рядом с ним.

Не получив от меня ответа на вопрос, Патрик молчал. Он знал, что я не жалею и мне не нужно утешение. Я просто хотела, чтобы кто-то заметил мое присутствие. Не кто-то. Дэниел. Но *никто* не замечал.

– Я уже достаточно побыла одна. Приличия соблюдены. Думаю, что могу возвращаться домой. Он справится без меня, – сказала я тихо, отменяя мысли о том, что это могло быть ошибкой. Я люблю его. И я знаю, что он любит меня. Но что еще я могла сделать? Дэниел был занят, и я не могла претендовать на большее в этот самый момент.

– Я отвезу тебя. И найду того, кто приедет за Дэном.

– Не стоит. Я хочу прокатиться сама.

Патрик не стал возражать, но прежде, чем дать ключи от моего джипа, за рулем которого Дэниел привез нас на эту вечеринку, уточнил как много я выпила. С недавних пор, мы всегда

приезжали отдельно, но в сопровождении машины охраны, в основном Патрика или кого-то из его парней, – я уезжала с вечеринок первой, тогда как Дэниел мог задержаться подольше. Соединив большой и указательный пальцы, я показала ему цифру *ноль*, и уголок его губ дернулся в подобии nepозволительной для его должности на публике улыбки.

– Только скажи Дэниелу, что уезжаешь, – настаивал Патрик, не спеша класть в мою раскрытую ладонь брелок от машины.

– Это так необходимо? Ты же видишь, он занят.

– Джейн... – он снова посмотрел на меня, умоляя не совершать сгоряча поступки, о которых я потом непременно стала бы жалеть.

Но не успела я согласиться на его условие, как к нам внезапно подошел мой супруг.

– Вот ты где! Что случилось? – Заметив, что авто-брелок оказался в моей руке, Дэн слегка наклонил голову, как будто извиняясь.

– Немного разболелась голова. Я в порядке.

Я в очередной раз натянута улыбулась. Дэниел положил ладони на мои предплечья, заглядывая в глаза и коснувшись кратким поцелуем у виска.

– Ты уже уходишь?

– Немного устала. Все хорошо, правда, – ответила я, но в голосе сквозила неуверенность, и он сразу это заметил. Он крепче сжал мое плечо, как бы обещая, что все в самом деле будет в порядке.

Я сидела за рулем, ощущая как колеса машины плавно скользят по мокрому асфальту, отражающему огни вечернего Лондона. Мягкий свет уличных фонарей растворялся в темноте, не оставляя после себя следов, когда я проехала Пикадилли-серкус. Мимо окон мелькали силуэты прохожих, дома и фасады магазинов, сверкающие своими вывесками с заманчивыми неоновыми надписями. Ветер легким дуновением проникал в салон, и я открыла окна чуть шире, чтобы впустить этот городской воздух – свежий, пропитанный недавним дождем и запахом грядущей ночи.

В такие моменты Лондон кажется мне особенно волнующим. Такой чужой и такой близкий одновременно. Он живет своей жизнью, и я одна из миллиона тех, кто просто проходит сквозь его тени.

Хотелось убежать, скрыться, спрятаться.

Я еду, но не знаю куда. Просто еду.

Свет уличных фонарей плавно растекался по асфальту, едва касаясь моих глаз, как мазок кисти, осторожно наметивший форму на холсте. Контурь зданий и прохожих словно исчезали, трансформируясь в абстракцию. Огоньки автомобилей вокруг обращались в размытые пятна, расплывающиеся и пропадающие в миражах, как нежные мазки, будто художник в спешке успевал поймать их на холсте. Все так расплывчато и зыбко... Окна домов превращались в яркие пятна, их свет – как простые, но такие живые мазки желтого и оранжевого, как если бы я ехала не по настоящему Лондону, а скользила по полотну Моне. Не хватало только тумана.

Я все дальше уезжала от той благотворительной вечеринки, где оставила своего мужа под опекой Патрика. Не оглядываюсь, но знаю – он там, в переполненном поклонницами мире, восхищенных его шутками и обращенным на них взглядом.

Машина мчалась по улицам, а я пыталась отогнать от себя мысли, что снова оказалась на заднем плане, как тень, которой не хватает ни слова, ни жеста, чтобы остаться в *Ego* центре. Я не могу позволить себе эту слабость. Слишком много лет я рядом с ним, и он никогда не отпускал меня, не забывал. Дэниел любит меня. Я знаю это. Просто он всегда такой притягивающий, яркий, словно магнит, и я научилась жить с этим, даже если весь мир будто оборачивался вокруг него словно Солнца. Однако сегодня все было немного иначе. Сегодня я в очередной раз почувствовала, как против своего желания отступаю в его тень.

Остановившись на светофоре, я неожиданно понимаю, что широкая дорога передо мной ведет к театру Олд Вик⁴. Он уже совсем недалеко, выглядывает из-под темноты ночного покрова, как крепость с величественными колоннами и строгим фасадом, скрытый от меня по обе стороны маленькими кафе со старыми выцветшими вывесками и зданиями постарше, где у каждого есть своя собственная история.

Подъехав к театру, я удачно припарковалась перед стеной с многочисленными афишами, зазывающими прохожих стать частью театрального мира наступающего сезона. Я не спешила выходить, понимая, что по велению самой судьбы прямо передо мной висит тот самый плакат спектакля «Веер леди Уиндермир»⁵. В центре – изысканный веер, украшенный золотыми и серебряными элементами, на фоне глубокого, бархатного темного-красного цвета, – как символ тайны и недосказанности, как утонченный аксессуар, в котором заключены секреты любви и предательства. Я прищурилась, пытаюсь вчитываться в витиеватые линии шрифта, навевающего атмосферу викторианской эпохи. А внизу афиши – несколько портретов персонажей, где, конечно же, я замечаю *Тебя*. Немного в стороне от центральных исполнителей ролей, но даже так это ощущалось мощно. В такой свойственной тебе уверенной позе, словно ты был готов покорить мир, читалась аристократическая беззаботность героя, а во взгляде – насмешливость.

Я ощутила, как сердце забилося быстрее. Закрываю глаза и в сознании тотчас всплывают моменты не такой уж давней молодости – просмотры фильмов, звонкий смех, бесконечные разговоры, прогулки и теплые вечера. Три года разлуки ощущались как вечность, и теперь, увидев твое имя воочию, я поняла, как же сильно мне не хватает тебя.

Я жала рулевое колесо, чувствуя вновь охватившее меня волнение. Захотелось, чтобы ты просто спрыгнул с этого плаката, просто подошел ко мне, снова улыбнулся как умеешь ты один, как если бы у нас все было как прежде. Но в этом мире света и тени мне сложно поверить в то, что мы сможем быть такими, какими были раньше. Я думала о том, как изменились наши жизни, о твоих успехах на сцене, и о том, как мы всего несколько лет назад случайно повстречались на вечеринке в Нью-Йорке. Мысли о тебе последнее время вызывали у меня смешанные чувства – радость и легкую грусть.

Дождь начал капать, мелодично стуча по крыше автомобиля. Мир вокруг словно замер. Я продолжала сидеть и смотреть на анонс спектакля сквозь ветровое стекло, погруженная в свои мысли, не желая расставаться с этой нахлынувшей ностальгией.

Иногда мимо сновали прохожие под широкими полами зонтов. Одинокие унылые фонари освещали улицу поздним вечером в этом районе Лондона. А время незаметно смывалось потоком воспоминаний.

Твое имя притягивало меня, словно магнит, не позволяя уехать. В этом мгновении я с долей страха осознала, что все еще храню в сердце частичку нашего общего на двоих прошлого, и это знание было одновременно сладким и горьким. И даже когда дождь усилился, я не желала двигаться с места. Я позволила себе насладиться этим моментом, надеясь, что призрачное ощущение незримой связи было более реальным, чем сотни разделявших нас километров.

* * *

Домой я вернулась к полуночи, а в окнах едва заметно горел свет.

⁴ (англ. Old Vic Theatre) – театр в Лондоне, расположенный к юго-востоку от станции Ватерлоо на углу Кат и Ватерлоо-роуд. В 1963 году, ещё при Лоренсе Оливье, театру было присвоено звание Королевского национального театра Великобритании, которое Олд Вик с гордостью продолжал носить до 1976 года, когда произошло разделение группы на старший и младший состав, в результате чего новый молодой коллектив переехал в новое здание, построенное в районе Саут-Бэнк и получившее название Янг Вик. Художественным руководителем театра до 2015 года являлся американский актёр Кевин Спейси, назначение которого вызвало значительный общественный резонанс.

⁵ (автор.) или «Пьеса о хорошей женщине» – комедия Оскара Уайльда, премьера которой состоялась 22 февраля 1892 года в театре Сент-Джеймс.

Я повернула ключ и вошла, на секунду замерев: гостиная погружалась в полумрак ночи, только телевизор тихо мерцал и единственная одинокая лампа в углу. Дэниел сидел на диване, все еще в своем безумно дорогом костюме от «Gieves & Hawkes», и слушал какое-то очередное юмористическое шоу по телевизору – резкий закадровый зрительский хохот не оставлял в этом сомнений. Он выглядел усталым и отстраненным.

– Ты поздно, – сказал он, встретившись со мной взглядом, полным обиды и угрызений совести, будто он чувствовал свою вину за то, что на этой вечеринке не уделял мне достаточно внимания. Но практически сразу он вернулся к просмотру шоу, пытаясь скрыться и не позволить мне прочесть себя, спросив: – Все хорошо?

– Все в порядке, – тихо ответила я и заставила себя улыбнуться, снимая на ходу туфли и отставляя сумочку на обувной комод.

Я знала, что будет сложно. Снова наш разговор превращался в замкнутый круг, в котором не получалось найти общую точку зрения.

Сердце застучало быстрее. Я почувствовала, как живот сжался, а в горле пересохло. По непонятной причине я пыталась судорожно найти себе оправдание, хотя понимала, что не совершала ничего постыдного. Не хотелось лгать и рассказывать ему о том, как мне становилось тяжело среди всех этих людей, что его флирт и внимание к другим заставили меня чувствовать себя чужой в, казалось бы, нашем собственном коконе. Не хотелось обсуждать с ним свои чувства, не хотелось разбирать каждый момент, каждый взгляд и прикосновение чужих рук к нему. Однако и правду сказать я не могла, предугадывая его реакцию. Мне просто нужно было иметь что-то свое, *для себя*. И так ты стал моим маленьким *секретом*.

– Прости, что задержалась. Решила прокатиться в такой чудесный вечер по городу, – сказала я, пытаясь звучать убедительно. Но в моем голосе все равно скользнуло что-то неуловимое, готовое разоблачить меня. – Я не выдержала. Было слишком... всего. Мне нужно было побыть одной.

Кажется, Дэниелу передалось это напряжение. Он посмотрел на меня, выслушав с недоверием, натянуто улыбнулся, сохранив молчание, но не стал настаивать. Он вполне ожидаемо отдалился. В подобной недосказанности, что оставалась между нами, когда что-то не так, мы оказались не впервые. А ведь я раньше никогда не ездила после вечеринок по городу совершенно одна! Обычно это я сидела в кабинете за ноутбуком, а *он* возвращался поздней ночью. Но, похоже, все в моей жизни решило перевернуться с ног на голову. Не иначе как богам стало скучно наблюдать за нами.

Я сняла жакет и подошла ближе. Медленно присев на подлокотник дивана, я ласково прошлась раскрытой ладонью по его волосам, опускаясь по затылку, вдоль шейных позвонков вниз по спине. Он продолжал делать вид, что сердится.

Пиджак от костюма лежал аккуратно сложенным на спинке дивана в другой стороне. Я расстегнула ожерелье на шее и опустила на стеклянный столик, где уже стояла недопитая бутылка минералки. К ожерелью медленно, поочередно присоединились серьги. Дэниел все также демонстративно предпочитал мне телевизор. И я могла поверить, если бы не очередной перерыв на рекламу, которую, я знала, он так ненавидел.

– Я не хотел тебя ранить, Джейн, – он заговорил первым. Его глаза встретились с моими, и я успела прочесть в них не только раздражение, но и беспокойство, и усталость, которую он так часто скрывал от всех за маской беззаботности. – Я не хотел, чтобы ты чувствовала себя одинокой. Просто... мне нужно быть там, в таких местах... Я должен быть *этим человеком* на вечеринке, понимаешь? – произнес Дэниел, извиняясь, после чего отложил пульт на столик.

Он был как никогда прав. Мы оба знали, как важно в подобных ситуациях не только быть рядом, но и не забывать роли, которые мы играем в жизни друг друга, несмотря на то, что все это постепенно разрушало нас прежних.

Я слегка наклонилась к нему и губы коснулись его уха, чуть задевая кожу, словно невидимой нитью. Его дыхание в миг стало более прерывистым, тело немного напряглось от демонстративно подавляемого желания.

– Не хочу, чтобы ты думал об этом, – шепнула я привычную фразу, с которой обычно начинались моменты наших перемирий.

Дэниел сомкнул веки, тяжело вдохнув, и теперь уже едва заметно скользнул костяшками пальцев по моей щеке – нежно и ласково. Я почувствовала, как его новые эмоции крепко переплетались с теми, которые он пытался игнорировать. Но у меня всегда получалось вернуть его себе, просто находясь рядом, просто предлагая себя ему – свое тепло, свою нежность и близость.

– Я всегда с тобой, даже если не всегда показываю это. Прости меня. Ты важнее всех сразу. Ты – моя любовь, Джейн.

Он молчал несколько мгновений, пока я рассматривала его, пытаюсь совладать с утихающей бурей чувств внутри. Дэниел скользнул пальцами по моим волосам, нежно поправляя пряди, выбившиеся из прически. Я не смогла сдержать улыбку – маленькие, обыденные жесты, приносящие невероятное утешение. Его губы приоткрылись, и я поняла, что он собирается что-то сказать, но вместо этого он просто поцеловал меня – не торопливо, не страстно, а тихо и нежно, будто прося прощения, желая вернуть все, что было потеряно за те несколько часов, что мы провели этим вечером порознь.

– Я ожидал, – он отстранился ненадолго, чтобы взглянуть на меня, – что, вернувшись, займусь любовью со своей женой, но на часах уже давно за полночь, а я сижу один в пустом доме.

– Люблю, когда ты злишься, милый. Продолжай. Это так сексуально, – я скользнула пальцами по его плечу, ощупывая ткань рубашки, подвигаясь к нему ближе. Уже в этот момент я заметила, как грудь его напряглась от прерывистого дыхания, а глаза затуманились. Не смотря на все свое внешнее спокойствие он тоже теряет баланс. Мы нуждались друг в друге – без масок, без ролей и без приличий. Только вместе. Только мы двое.

– Могла бы сообщить, где ты.

– А ты мог бы позвонить. – Я целовала его лицо, нарочно избегая жаждущие поцелуя губы, ласково пробираясь кончиками пальцев под рубашку. Пуговица за пуговицей.

Впрочем, губы Дэниела нашли мои, когда он с уверенностью прижал меня к себе, одним ловким движением усаживая на колени, наплевав на тонкий шелк вечернего платья от кутюр. Я ответила на поцелуй, зная, что теперь уже невозможно остановиться. Так было всегда. Огонь страсти внезапно захватывал нас. Оставались только желание и звенящая в ушах тишина. А сейчас это было воссоединение после несостоявшейся ссоры – наш способ напомнить друг другу, что мы все еще здесь, мы рядом, что мы любим.

– Кое-кому придется всю ночь вымаливать у меня прощение. – Его ладонь скользнула вверх по обнаженной части бедра – он спешил снять с меня платье.

– Но я не знаю ни одной молитвы, – горячо прошептала я прямо в уголок его рта, почувствовав свою власть над ним.

– Я подскажу тебе слова... – В темноте гостиной синева его глаз, пьянеющих от осознания нашей близости, встретила с зеленью моих.

Я улыбнулась, а Дэн лишь сильнее обнял меня, прижимая к себе, не переставая покрывать мои шею и плечи жаркими поцелуями. И на этот раз я не ощущала ни одиночества, ни страха. Я была любима.

Глава 3

56 дней до моего возвращения

ДЖЕЙН: Я лежала в постели, спрятавшись под одеялом, все еще ощущая, как тепло и нега тянулись по коже шлейфом недавних его прикосновений. Дэниел был в душе уже несколько минут, оттого я не спешила вставать, продолжая находиться в состоянии приятной расслабленности после такого уютного и невыносимо нежного утра. Легкий утренний свет пробивался сквозь шторы, создавая мягкие молочные полосы на постели.

Когда Дэниел появился в дверях, я повернулась, обнимая его подушку, и посмотрела на него – без футболки, влажные волосы зачесанные назад еще не высохли, вдобавок на шее и плечах блестели капельки воды, а полотенце на бедрах туго завязано, едва скрывая изгибы мускулистых ног и талии. Он подошел к зеркальной двери шкафа, чтобы промокнуть волосы вторым полотенцем, что держал в руках. Каждое его движение было настолько естественным, таким невыносимо привлекательным – расслабленным, уверенным, словно и он не замечал производимый им эффект. Мышцы на спине играют под кожей, когда он вытягивается, – красивый, как всегда. И все же в этот момент, в теплом свете утреннего солнца, он казался мне немного более реальным, словно происходящее кружилось и вертелось вокруг него, замирая в такой нужной, совершенно идеальный момент.

Ненавязчиво, почти случайно, насколько это было позволительно для супруги, лежащей в постели после утренней порции любовных ласк, я приподняла голову на локте и следила за каждым его движением, пока Дэн одевался. В воздухе пахло такой знакомой и успокаивающей свежестью геля для душа.

– Я думал, ты захочешь спать. Ты выглядела изнеженно усталой, – произнес он с улыбкой, всегда заставлявшей меня чувствовать себя так, будто я для него – самая важная часть этого мира.

Я закусила губу и лукаво улыбнулась, прищурив глаза, а затем, потягиваясь, перекатилась на живот, оголяя спину и ягодицы. Он соблазнительно усмехнулся, потряс головой, как если бы признавал свое поражение, а затем подошел ко мне и присел рядом. В его глазах все еще был тот самый огонь страсти, которым нас накрыло этим ранним утром с первыми звуками будильника. Я подалась к нему, дыша таким любимым мужским ароматом, и, не думая, накрыла его губы своими.

Дэниел не смог не ответить – легонько прижал меня весом своего тела. Его прикосновения – нежные и бережные сейчас, но страстные, порывистые, требующие часом ранее – дарили мне ощущение безопасности, будто вся внешняя суета и шум исчезали, когда он находился рядом.

Я зажмурилась, чувствуя, как его рука вновь скользит по изгибам моей талии и бедер, расслабляя каждый мускул, уже забывший про напряжение. Его дыхание было ровным и глубоким, несмотря на такой жаждущий и не оставляющий сомнений взгляд. Он прошептал мое имя несколько раз, прежде чем я слегка улыбнулась, не открывая глаз.

– Ты сегодня само искушение, – тихо произнес Дэниел, касаясь губами моего плеча.

Я хотела остановить время, чтобы он остался здесь, со мной, с тем чтобы мы могли просто побыть вдвоем день или два, а лучше несколько. И чтобы ему можно было не спешить возвращаться в мир, где он сверкает ярче звезд на ночном небосводе.

Едва мне стоило в очередной раз поцеловать его, как Дэниел засмеялся, и этот звук был таким смиренным и легким, что я не могла не засмеяться в ответ, привлекая его к себе. Я чувствовала его руку на пояснице, пальцы нежно поглаживали оголенные участки кожи. Все слова, все проблемы тотчас исчезали стоило мне оказаться в его объятиях.

Зазвонил мобильник Дэниела и он встал, осторожно высвобождаясь из моих переплетенных рук, а я мгновенно почувствовала захватившую меня пустоту вокруг. Со вздохом приоткрыла глаза, чтобы увидеть его, когда он потянулся к смартфону на прикроватной тумбочке, сбрасывая звонок, и стал собираться. Он быстро оделся, застегивая рубашку, с улыбкой щура глаза, когда его рука невольно коснулась моих растрепанных после ночи волос.

– Я не вернусь до вечера, – сказал он, фиксируя манжеты, и я уловила нотки раздражения в его голосе, несмотря на спокойствие, которое он излучал минутой ранее. – У меня интервью, потом нужно заглянуть в офис. Но постарайся не скучать.

Я слабо кивнула, чувствуя, как пустота внутри ширилась, возвращаясь легким холодом. Но, странным образом, его уход не принес мне ни горечи, ни беспокойства. Дэниел всегда возвращался домой, ко мне.

– Люблю тебя, – тихо произнес он, целуя на прощание так бесконечно сладко, что пустота внутри отступила. Всего на пару мгновений, пока резкий запах его парфюма не перестал щеко-тать нос, а дверь за ним тихо не закрылась, после чего мой взгляд упал на окно.

Погода в одночасье сменилась с солнечной на пасмурно-облачную, будто отображая мое окончательное настроение. Я в очередной раз осталась одна в новом доме. Часы на стене тикали ровно, ведя свой посекундный отсчет нашим пяти годам знакомства.

Поднявшись с кровати и приняв душ, я неспешно привела себя в порядок, после чего медитативно застелила постель и, наконец, добралась до шкафа с одеждой, чтобы выбрать что-то простое и удобное. Я все больше полюбила такие дни, когда не нужно продумывать, как я буду смотреться рядом с Дэниелом, или как мне бы хотелось выглядеть под объективами папарацци, изредка подлавливающими меня в очередной моей вылазке в город.

Как бы сильно я не старалась, по собственной инициативе или по настоянию Луизы, ответственной за наш внешний вид на публике, я пыталась выглядеть британкой хотя бы внешне. Но, не взирая на усилия, всегда оставалась слишком американкой, чтобы некоторые его фанаты приняли меня даже спустя годы нашего брака. Моя жизнь в Лондоне практически с первых дней была сочетанием британских традиций и ослепительной светской жизни, с элементами строгости, аккуратности и утонченности, так свойственной британским знаменитостям. Мы с Дэниелом были как две стороны одной медали, находили в этом балансе свой стиль жизни, но я все чаще возвращалась к воспоминаниям о Чикаго, скупая по свободе самовыражения.

Мне хотелось хоть раз выйти за чашечкой кофе из Starbucks как Бритни Спирс или Хилари Дафф – в трениках, футболке и комфортных UGGI, но мой гардероб не позволял себе подобных вольностей. Если я не хотела оказаться на передовицах желтой прессы и подвергаться обсуждению относительно утихомирившихся фанатов моего супруга, то одеваться должна была солидно и соответственно английской моде. Но и в этом я нашла свой баланс – различного вида платья, джинсы и майка, которую сменял свитшот в зимний период, но даже летом всегда на подхвате была курточка – переменчивая погода научила меня этому примерно через пару месяцев жизни в Лондоне.

Спустившись на кухню, я нажала на кнопку кофемашины, подставив чашку, и под звуки молотьбы кофейных зерен задумалась, что мне делать дальше. Не хотелось ни готовить, ни читать, ни заниматься накопленными домашними делами. Клининговый сервис приходил с генеральной уборкой раз в неделю либо по необходимости, а в остальное время мы с Дэном поддерживали заведенный порядок и чистоту в нашем новом доме. Но именно сегодня мне хотелось чего-то абсолютно иного, вот только это вряд ли понравится Дэниелу, если он узнает. Это был тот редкий случай, когда я пошла бы собственной непроторенной дорогой.

На кухне царил тишина, только приглушенный звук телевизора на фоне наполнял пространство. Я сидела за кухонным островком, лениво черпая йогурт и злаки с сухофруктами, обдумывая список дел и обязанностей на ближайшие дни, когда внимание привлекла сцена из знакомой мне романтической комедии. На экране плоского широкоформатного телевизора в гостиной Ник из «Жених напрокат»⁶ только что встретил свою «невесту» в аэропорту, и,

⁶ Комедийная мелодрама Клер Килнер «The Wedding Date» (2004г.) с Деброй Мессинг и Дермотом Малруни в главных ролях. Забавный факт: в основе фильма лежит книга «Неприятности по заказу», которой на самом деле не существует, просто

несмотря на то что их отношения начинались с простого контракта, было уже ясно, что между ними появится искра. Мысли унесли меня к тому дню, когда я в очередной раз застала этот фильм по телевизору и желала больше всего на свете обсудить его *с тобой*. Как в те вечера киномарафона в твоей комнате в общежитии, навсегда врезавшиеся в мою память.

Я уже видела этот фильм несколько раз, но, как всегда, он вряд ли мог наскучить – идеальный для утреннего настроения – легкий, непринужденный, с четко отмеренной порцией чувственности и эмоциональности. И снова я не могла отделаться от ощущения, что с Дэниелом я точно также чувствовала безопасность и комфорт, как Кэт с Ником, вновь погрузившись в воспоминания, когда мы только начинали встречаться – как все было живо, как в воздухе витала легкость, искромётный флирт, когда каждый момент был полон ожидания чего-то нового, неизвестного и прекрасного.

Но где теперь тот огонь, что так ярко горел в начале наших отношений? Где та страсть, согревавшая нас, когда не могли расстаться ни на миг, когда мы смеялись и оба стремились быть честными и открытыми друг с другом? Где-то по пути, среди повседневных забот, между съемками, проектами и встречами наш с Дэниелом мир стал предсказуемым, стабильным – как чашка кофе в моих ладонях по утрам.

Дэн, несомненно, был добрым, любящим, внимательным и надежным мужем. Он был моей поддержкой все эти годы, но иногда я ловила себя на мысли, что в этой самой стабильности мне бесконечно не хватает чего-то. Не хватает игривости, той легкости, того волнения, некогда испытываемого от одних лишь прикосновений друг к другу.

Неужели все отношения становятся такими со временем? – в очередной раз вопрос навязчиво прожужжал в моей голове.

И в этот момент взгляд снова скользнул по экрану: Ник и Кэт обменивались откровенными переглядываниями и насмешками, их отношения перерастали в нечто большее, несмотря на то что начинались как фальшивка. Под поверхностью их договоренности возникали чувства, которым не было куда деваться, не помогала даже расчетливость и логичность их начальной сделки. Это было так похоже на что-то давно забытое, оставленное где-то в глубине моего сердца.

Злаки и сухофрукты давно разбухли в молочной йогуртовой массе, а я так и не притронулась к еде. Знаешь, я ведь не могла нормально есть с того момента, как воочию увидела твое имя на афише театра тем вечером. Волнение заполнило всю меня до самых кончиков, покалывающих нетерпением и страхом желанной встречи. Я запихивала в себя дешевую еду типа хот-дога на заправке или пончика с кофе, пачку чипсов поздним вечером, когда возвращалась по такой уже привычной дороге с южного берега Темзы. Это еще и было частью моего еженедельного ритуала – так я пыталась порадовать и удержать ту чикагскую девчонку, обожающую пончики с кофе из кафе «на колесах».

А однажды за ужином, долго ковыряясь в тарелке с приготовленной рыбой и овощами, я, сославшись на недомогание, ушла к себе в кабинет, понимая, что моя компания Дэниелу не столь необходима – он сидел за чтением очередного сценария для нового фильма. Дэн даже не обратил внимания на мое состояние, просто мимоходом чмокнул в губы, предлагая мне заварить себе мятный чай. Тем вечером я многократно обновляла твою страницу на фейсбуке в надежде, что ты почувствуешь, как я жду от тебя хоть какой-то знак. Или то я ждала сигнал от Вселенной, я и сама не понимала.

Я читала афишу. И не один раз. Не говоря уже о том, что прочитала пьесу Уайльда, желая хоть как-то стать частью твоего нового мира. Мне было любопытно понять, почему ты согласился на такую несвойственную тебе роль. И все же, я боялась написать первой и задать прямой вопрос. Как и боялась случайной встречи все те дни, что парковала машину напротив

афиши «Веера» в Саут-Бэнке, – встретить тебя в Нью-Йорке, Чикаго или Лос-Анджелесе тогда казалось более реальным, чем возле лондонского театра, где висел постер будущего спектакля с твоим участием.

Я взглянула на экран, на героев фильма и задумалась о том, что иногда мы все скрываем от себя свои настоящие чувства, пытаюсь угодить другим, не замечая, что настоящая любовь и счастье – это то, что мы переживаем с кем-то, а не то, что создается для видимости. И тут я осознала, что стала забывать о собственных желаниях, боясь сделать неправильный шаг, который мог потенциально разрушить благостную тишину нашего устоявшегося брака с Дэниелом. Мне захотелось, наконец, сделать что-то новое, что-то для себя, как бы страшно не было. Привычный комфорт уже казался мне пресным. Я почувствовала внутри жгучее желание сделать что-то неожиданное, непредсказуемое, выйти за рамки. И обзрев кухню с гостиной, где вот уже несколько месяцев ничего не менялось, в голове моей вспыхнула новая идея: я заслуживаю немного приключений, пусть даже простых и тихих, как поход в театр на спектакль лучшего университетского друга.

Набравшись смелости, я схватила сумочку, незначительно вздрогнула, кусая внутреннюю сторону щеки и раздумывая, стоило ли вообще осуществлять задуманное. Но уже через несколько секунд решила. Белая футболка, узкие джинсы и простые удобные балетки. Никакого пафоса. Плевать! Сегодня мне хотелось побыть прежней Джейн хотя бы на несколько часов, и не подстраивать свой внешний вид под чей-то взгляд или объектив.

Я выключила телевизор, отправила чашку с тарелкой в посудомойку, схватила тонкий кардиган с вешалки у входа и вышла. На мгновение остановилась в дверях, чувствуя, как легкий холодок внутри, обычно указывающий, что что-то возможно не так, исчезает. Я сжала дверную ручку, сделав еще один глубокий вдох. Принятое решение наполняло меня какой-то необъяснимой радостью. Тайное желание, которому нужно дать возможность осуществиться. Всего лишь спектакль. Один раз. Посмотреть одним глазком. Просто увидеть тебя и убедиться, что ты в порядке.

* * *

Здесь, на южном берегу Темзы, прохладный летний день оставил мокрые следы легкого дождя на тротуарах улиц, пока я шла к монументальному зданию театра Олд Вик. Он не был новым, не был блестящим и современным, как многие окружавшие его строения в центре Лондона, но здесь значимо ощущалась история.

Олд Вик словно с уверенностью, которой позавидует любой современный театр, нес на себе следы вековых традиций неоклассицизма XIX века – величавые старые колонны, строгие линии и какая-то непередаваемая, тонко ощутимая архитектурная сила. Она словно щит, защищала все, что происходило внутри, под его крылом.

Войдя в холл через массивные деревянные двери, я почувствовала себя окруженной величественными стенами, каждый угол которых, казалось, хранил память о тысячах зрителей и актеров, что когда-то приходили сюда. Это было не просто место для театральных спектаклей, но пространство для переживаний, для погружения в другой, божественный мир сцены. Мраморные лестницы уходили наверх, их полированные ступени и плавные изгибы словно вели к вечности. Воздух был прохладным, немного сыроватым, как будто в стенах все еще хранились остатки былых дождей и старинной архитектуры. Сквозь легкий холод пробивался едва уловимый дух старой древесины и характерной пыли, перемешавшийся с запахом свежей краски.

Я неторопливо подошла к театральной кассе, пряча руки в карманах вязаного кардигана, скрытно теребя брелок автомобильного ключа. Передо мной собралась небольшая очередь, несколько человек, почти все с зонтиками. В здании играла старая мелодия, казавшаяся такой неуместной в этом напряженном моменте. И как ни пыталась, но я не могла вспомнить, когда вообще в последний раз была в театре.

Дрожащими не то от холода, не то от волнения пальцами я вытащила из сумки телефон и посмотрела на дату. Три года прошло с того дня, как я в последний раз слышала твой голос. Но я точно знала, что хочу увидеть тебя *снова*.

Когда подошла моя очередь, я шагнула вперед и кассир, старушка в шерстяном облаке темно-серого свитера, подняла взгляд. Несмотря на седые пряди волос, в ее усталых глазах все еще сохранялась какая-то нескрываемая забота о каждом посетителе. Не трудно было предположить, что она работает здесь много лет, и этот театр давно стал частью ее жизни.

– Билет на «Веер леди Уиндермир» в ближайшие дни, – сказала я, пытаюсь звучать спокойно, а в голосе все равно сквозило неуверенностью – внутри какое-то напряжение, будто я просила не просто попасть в театр, а открыться для чего-то, что давно забыто. На секунду я закрыла глаза, снова представив тебя на сцене. Как бы ты выглядел? Тот же Шон, которого я помнила, который вкладывал чувства в свою игру? Или что-то изменилось?

Кассир медленно стучала по клавишам компьютера, словно тот был установлен перед ней только сегодня утром, и она, попутно обслуживая клиентов, училась как правильно пользоваться мышкой и клавиатурой. Казалось, что время остановилось. Я нервно кусала ноготь большого пальца, предоставив право выбора мест на вкус этой леди.

– Программа, черт бы ее побрал... почему только нельзя было отпускать билеты привычным способом? Есть схема зала, есть расположение мест, есть ручка, все просто. Но нет же, идем в ногу со временем, – бухтела себе под нос старушка, сокрушаясь над неподвластной ей техникой.

Я бы и хотела оказаться по ту сторону, по возможности помочь ей, но все, что мне оставалось, это мило улыбаться и терпеливо ждать.

– Кто бы мог подумать! В ногу со временем идти нашему Олд Вику. Это, конечно, прекрасно, что вот так мы развиваемся, что театр не закрывают, не смотря на Янг Вик, куда более претенциозный и напичканный всеми технологиями современности... ох, черт!

Старушка в очередной раз смачно выругалась, заставив меня густо покраснеть, прикрыв рот ладонью, чтобы сдерживать рвущуюся наружу улыбку и сохранить невозмутимый вид.

– Ай! Ну вот опять! Сладенькая, я сейчас позову кого помоложе, но ненамного опытнее меня, чтобы оформить возврат в этой чертовой компьютерной системе... будь она неладна!

– А что случилось?

– Сейчас все исправим, милая. Эта новоявленная груда железа и пластика сегодня уже второй раз подставляет меня, выбивая неправильную продажу билетов. Задвоение, или как оно называется...

– Два билета?

– На разные даты, да. Будь неладна эта их новая программа бронирования! Моя седая голова не выдержит, а ведь я столько лет отдала этому театру...

– Простите, но ничего отменять не нужно, – перебила я кассиршу, которая уже поднималась со своего кресла, чтобы уйти за помощью персонала. – Я заплачу за оба билета. Ничего страшного.

– Ох, деточка, ты уверена? – старушка подозрительно глянула на меня. – Спектакль гастролирующего театра из Чикаго...

Я улыбнулась, ощутив легкое беспокойство под ее пристальным взглядом серо-зеленых, потускневших от старости глаз. Почему-то мне показалось, что она сразу поняла – я не просто покупаю билеты.

– Я знаю. У меня там университетский друг играет.

– Вот оно как!

– Да, – ответила я, все еще стараясь унять дрожь в голосе.

– Тогда, вероятно, сама судьба велит посмотреть спектакль не один, а несколько раз.

– Да, вы правы.

Наконец, она протянула мне два билета. Я молча взяла их, расплатившись. Бумага на ощупь была такой знакомой – я ощущала, как дрожат в руках не только билеты, но и все тело. Когда в последний раз я вот так выбиралась куда-то? В нашей с Дэниелом жизни даже такие простые мелочи как бронирование мест в кино или ресторан совершались кем-то из команды менеджеров.

– Большое спасибо, – сказала я, стараясь не выдать эмоций, и почувствовала, как пожилая леди оценивающе смотрела на меня, но ничего не сказала.

Я не могла унять легкую дрожь в руках, когда снова глянула на билеты, сделала шаг и, ощущая, как дыхание становится тяжелым, вышла на дождливую улицу.

Это был не просто спектакль. Я чувствовала, что эта встреча – не случайность. И хотя время еще не пришло, но оно уже было поблизости.

Ты был рядом. Мы оба были рядом.

* * *

Следующие два дня прошли в покалывающем предвкушении томительного ожидания. С того самого момента как спрятала билеты, каждый вечер я тайком проверяла их наличие – потребность убедиться, что мне не приснилась задуманная шалость. Я бесконечно представляла, как буду сидеть в зрительском зале и, наконец, услышу твой голос в тишине театральных стен, как сердце будет замирать от каждой твоей реплики или движения.

Вспомнилось, что когда-то давно я пропустила твой театральный дебют в колледже – Дэниел тогда внезапно вырвался из своего плотного графика на встречу со мной, пролетев без предупреждения полмира. Теперь же в потайном кармашке кошелек я прятала пропуска на спектакль с твоим участием. Что это, если не восполнение не случившегося обещания?

Оставалось только придумать, что сказать мужу, но Вселенная определенно решила подкинуть мне подушку безопасности в виде его внепланового двухдневного отъезда на пере съемки. Внезапно всплывшая тишина и одиночество лишь добавили волнения перед первым походом в театр. Время словно остановилось и давало понять, как сильно мне было необходимо сосредоточиться на себе, отпуская свои страхи и сомнения.

Я стояла перед зеркалом, примеряя один наряд за другим. Мне хотелось чувствовать себя уверенно. Признаюсь, я не планировала встречаться с тобой, боясь, что своим вторжением в твою размеренную жизнь могу что-либо испортить и в то же время мне до безумия хотелось обнять тебя, словно частицу прошлого, о котором я так бесконечно скучала последние месяцы. Я планировала остаться незаметной, неузнаваемой ни для кого, чтобы провести этот вечер *наедине с тобой*, пускай даже ты будешь блистать на сцене, а я затеряюсь в темноте зрительного зала.

«Ты должна прийти в театр в красивом вечернем платье», – смотря на переливающийся блеск атласного платья, я вспомнила твои слова и то, как тщательно подбирала гардероб, спеша на премьеру «Грозового перевала» в постановке Оливии Вуд.

Черная глубина ткани касалась кожи, ощущалась мягкой, будто была частью такой важной, безмянной встречи. Я поглядывала на часы на каминной полке в гостиной, заламывая пальцы, а мысли, которые я пыталась держать под контролем, так и норовили вырваться наружу – ладони вспотели от волнения, а в горле пересохло. Становилось почти невыносимо отсчитывать минуты до выхода. Но несмотря на все переживания, в глубине души я знала, что этот момент особенный, ведь я страстно желала увидеть тебя в этом новом, чужом мире.

Такси останавливается у входа и я выхожу, ощущая теплый вечерний воздух, словно напоминание о том, что я не одна, что этот город живет и дышит, что мир вокруг не остановится, даже если мне захочется скрыться от всего. Все звуки города в одно мгновение исчезли, пресекаясь легкой филармонической мелодией, звучащей фоном в стенах Олд Вика. Я подни-

маюсь по ступеням, ощущая, как тяжело мне двигаться вперед. Абсолютно не чувствуя себя женой знаменитого актера, я словно стала частью чего-то грандиозного, но такого камерного.

Посетители неспешно двигались по коридорам театра – каждый к своему месту, указанному на кусочке прямоугольного пергамента. Огромный зал, окруженный элегантными колоннами и бархатными занавесами, казался живым организмом. Мягкий, приглушенный свет ламп создавал атмосферу уюта, а легкое бормотание зрителей, собирающихся увидеть театральную постановку, наполняло пространство ожиданием.

Скоро я снова увижу тебя.

От предвкушения ощущался ком в горле, а в голове замерцала мысль встать и уйти. Я не должна быть здесь, в этом платье, не должна желать встречи с тобой. Все это неправильно. Как и то, что я совершаю грубую ошибку, и это уже не *мы прежние*, не те Шон и Джейн, что когда-то выискивали взглядом друг друга в коридорах колледжа, держались за руки и прятали поцелуи от друзей между рядами книжного магазина в торговом центре.

Сердце забило быстрее, когда раздался последний предупредительный звонок и через короткий миг свет в зале потух, чтобы осветить своим сиянием сцену, отрезая мой последний шанс на побег.

Звуки сопровождения живого оркестра нарастали. Зная сюжет пьесы, практически с первой реплики твоей коллеги я уловила знакомые интонации, понимая, как созвучно моей жизни все происходящее на сцене. Тот мир, в который я когда-то входила с беспокойством и любопытством, совсем юная и наивная, как и леди Уиндермир, поглощенная своими идеалами... Все это странно знакомо.

Если раньше я думала, что знаю, как замирает душа от пересечения наших взглядов в стенах колледжа, то в этот раз убедилась, сколь сильно я заблуждалась. Я с трепетом наблюдала за происходящим на сцене, практически не дыша, зная и чувствуя, предвкушая твое появление. Момент ликования и страха слились в одно. Сердце сжалось на короткий миг, после чего пустилось галопом, а на лице расплылась улыбка от охватившей меня волны счастья, но я тотчас смутилась и зажала губы, опасаясь привлечь внимание окружающих меня зрителей.

Если бы ты только знал, что я чувствую, когда вижу тебя.

Ты остался все таким же опасно красивым и обжигающим дамские сердечки. Я все еще не могла понять, почему ты сменил съемочную площадку на театральные подмостки, лелея с детства мечту стать кинорежиссером. Однако я помнила из семинаров Оливии, как хорошо вы подходили друг другу – ты и сцена. В этом танце всегда было что-то дикое, чистое, истинное.

И вот я смотрю только на тебя, жду очередной сцены с твоим участием... Было сложно, зная, что между нами застыли эти три года молчания.

Ты держишься уверенно, не сложно заметить, как твое появление наполняет сцену особым магнетизмом, и каждый раз я чувствовала, как, наконец, могу дышать, забывая о времени и окружении. Каждый твой шаг, каждый жест и каждое слово погружали меня в атмосферу пьесы. Ты был великолепен. На сцене царила какая-то магия, и я поняла, что оказалась в плену не только твоего таланта, но и воспоминаний о наших совместных мгновениях. Твой взгляд и легкость в движениях – все это было частью того, что я когда-то знала в тебе. Рядом с тобой каждая мелочь всегда наполнялась *особенным значением*.

Когда опускается занавес, я продолжаю сидеть, не в силах пошевелиться, тогда как вокруг меня все встали, чтобы одарить актеров овациями. Я боялась быть замеченной тобой в толпе англичан. Мне казалось, что ты непременно узнаешь меня, когда в зрительском зале зажегся свет. Этот вечер был не просто походом в театр. Это была встреча с тем, что было, с тем, что осталось, и с тем, что никак не удается забыть.

А ведь я так никогда и не призналась тебе, что дважды ходила на тот спектакль... Оба раза смешались в сумбурные воспоминания, которые я в силах расставить по полочкам только

оттого, что в первый визит, когда на мне было обещанное вечернее платье, я так и не смогла решиться просить о встрече с тобой.

Весь следующий день, оказавшийся промежуточной передышкой, душа моя разрывалась от тоски по тем дням, когда мы просто могли видеться, общаться, шутить и смеяться без каких-либо опасений. Я вспоминала все наши совместные семинары по театральному курсу – единственное место, где мне повезло быть частью твоего мира. И всю силу твоего мастерства и таланта, о котором так часто упоминала профессор Вуд, я прочувствовала уже во второй раз, когда не смотря на свой страх и риск, ведь вечером мне нужно будет лгать Дэниелу о том, куда я подевалась, в последнюю минуту выскочила из дома и приехала на спектакль. Я просто не знала, чего боюсь больше – увидеть тебя еще раз или не увидеть больше никогда.

В очередной раз сидя в темноте бельэтажа, окруженная сотней зрителей, я все больше впадала в эмоциональный водоворот. В одном из диалогов твоего Дарлингтона с леди Уиндермир, я почувствовала легкую иронию, тонкую игру слов со скрытым, гораздо более сложным смыслом, отчего неожиданно для себя осознала, как происходящее на сцене было похоже на мою собственную жизнь. Любовь, как и светские интриги, теряет свою ценность, как только ее начинают разбирать на составляющие. Неуступчивое чувство чести леди Уиндермир, ее идеализированный взгляд на любовь и отношения, стремление сохранить безупречную репутацию – это был почти что мой нынешний автопортрет. И вместе с ней на этот второй раз я невольно поставила под вопрос свои убеждения в том, что истинная любовь являет собой верность и безусловную поддержку, а лорд Уиндермир, как и Дэниел, являлся идеалом мужчины, которого она защищала любой ценой. Даже когда всем вокруг все очевидно.

Я неожиданно словила себя на мысли, что мои отношения с Дэниелом – хотя они и стали удобными, спокойными, безопасными – не давали мне должного вдохновения, того внутреннего огня, который я бесконечно искала весь последний год. Что, если этот выбор, который я сделала, – не окончательный? Даже лорд Дарлингтон словно был моим кривым зеркальным отражением – это его желание быть свободным, быть собой, несмотря на все обязательства и договоренности.

Мой взгляд снова прикован практически к каждому твоему движению. А реплики повторно отзывались в моей душе, полосуя сердце по давно забытым шрамам. За беззаботностью такого обаятельного, порой циничного Дарлингтона, с невероятной легкостью манипулировавшего другими, играя на их чувствах и слабостях, я не могла не видеть тебя. За внешней жестокостью воплощенного тобой героя скрывался уверенный в себе и своих силах грациозный мужчина, знающий как использовать отношения с другими, чтобы получить именно то, что ему нужно.

– Испорченного человека из меня не вышло. Многие утверждают, что я за всю жизнь не совершил ни одного дурного поступка. Разумеется, они говорят это только за моей спиной, – произнес ты слова своего героя, скрывающего истинные чувства под личиной холодности и утонченной уайльдовской иронии.

Ты так умело сыграл холодную беспечность и отстраненность, за которыми скрывался человек, прошедший через внутренний кризис, потерявший что-то важное и теперь использующий репутацию ловеласа как защитную маску. Я то и дело одергивала себя от навязчивой мысли, что ты играл самого себя. Мне больше всего на свете не хотелось, чтобы эти глубочайшие внутренние противоречия лорда Дарлингтона произрастали из твоих настоящих, некогда прожитых эмоций. Ты умело задевал те струны души, которые я некогда заставила замолчать, бесконечно игнорируя.

Я знала, что артисты всегда отлично играют свои роли на сцене, и что случаются неповторимые моменты, как тот случай с Сабриной Уитт, когда она, забыв слова герцогини, не растерялась и ловко вышла из положения, решив, что лучше помолчать, а твои коллеги по сцене разоблачили ее заминку столь гармонично, словно это был тонкий режиссерский ход. И

едва ли кто мог заметить изменения в сюжете, ведь это я дважды посетила постановку Холдена Ричардсона. И оба раза эти сцены были по-своему великолепны.

Дождавшись финального занавеса и долгих рукоплесканий, в этот раз я подошла к работнице театра, пропускавшей в неприметные двери справа от сцены зрителей с букетами.

– Вам понравился спектакль? – спросила женщина, с улыбкой окидывая меня взглядом с головы до пят, недоумевая, почему я стою без роскошных цветов, выбиваясь из привычной ей общей картины напрашивающихся поклонниц.

– Невероятно сильная постановка, – ответила я, смущенно поглядывая на близкую сцену, где всего пару минут назад ты с остальными актерами склонялся в поклоне перед публикой. Сил хватило разве что не покраснеть, сжимая в руках сумочку. – Простите, я бы хотела встретиться с лордом Дарлингтоном.

Пожилая женщина сощурилась, поправляя на носу оправу очков, не без интереса разглядывая мое прорывавшееся наружу волнение.

– Шон Кейн – мой давний друг из колледжа, – дрожащим голосом произнесла я, пытаюсь казаться собранной, а не волнующейся как перед экзаменом школьницей.

* * *

За кулисами театр, в котором я раньше никогда не бывала, оказался настоящим лабиринтом. Шум, гул, запахи старого дерева, свежей краски, потертых декораций и тусклый свет ламп, что освещали мрачные стены, – все это было одновременно захватывающим и немного пугающим. Я шла по коридору, следуя за невысоким коренастым мужчиной, и каждый шаг отзывался эхом в груди. Парочка актеров, которые только что сыграли в спектакле, шли навстречу, что-то оживленно обсуждая. А я в очередной раз ощутила себя чужой – в этом мире мне определенно не было места.

Наконец мы оказались рядом с тяжелой дверью, ведущей в одну из гримерок. Я сделала шаг вперед, в этот узкий, слабо освещенный коридор. Мужчина тихо постучал в дверь, не сказав ни слова, только кивнул мне и ушел, а я осталась стоять перед дверью совершенно одна.

Волнение охватило меня с новой силой, как будто я снова оказалась той юной, беззаботной Джейн, которая верила, что все будет как раньше. Но прошло уже столько времени. Я хотела развернуться и уйти, оставить это в прошлом, но не смогла. Рука дрожала, пока я в нерешительности то сжимала, то разжимала пальцы, прежде чем наконец прикоснулась к дверной ручке. Еще одно движение, и я окажусь в твоей гримерке, в твоём мире, где ты был уже не тем, с кем я когда-то учила роли, обсуждала фильмы и смеялась до слез. Мы некогда были друзьями. Или, по крайней мере, я так думала. А что теперь? Позволено ли мне вот так просто вторгнуться в твою жизнь, не имея понятия зачем и что произойдет дальше?

Мне было *невероятно* страшно.

Но внутри горело чувство, не исчезнувшее с годами. Я закрыла глаза на мгновение, чтобы собрать мысли, и еще раз постучала.

– Да-да, войдите! – прозвучал такой знакомый и родной голос.

Мои пальцы крепче сжали ручку, отворяя дверь. И я сделала шаг в не забытое мной прошлое.

Ты стоял перед зеркалом, сосредоточенно застегивая последние пуговицы и оправляя воротник рубашки в отражении, когда неожиданно замер, услышав мой голос, прозвучавший слишком тихо, как будто я только что очнулась от долгого сна:

– Здравствуй, Шон.

Я почувствовала, как сердце пропустило биение, и на секунду мне стало трудно дышать. И так странно: мы же никогда не были двумя незнакомцами, разбросанными по миру, но были близкими людьми... И вот, мгновенно обернувшись, ты стал частью теплого, золотистого света, льющегося от ярких лампочек, усыпанных по раме зеркала, и наши глаза встретились.

Тишина. Не удивление, не радость.

Это все еще *ты*.

Тот же бегающий по мне взгляд, в котором я могла когда-то раствориться, но немного другой. И я не знала, что делать.

Было странно и сложно ступить один нерешительный шаг, сминая в руках театральный буклет. И несмотря на все эти годы, несмотря на то что я замужем за другим, все внутри меня сжалось и выстрелило кипящей, удушающей пульсацией, как тогда, в те далекие дни, слоило мне подумать о тебе. Ничего не имело значения, кроме этой встречи и тишины, что говорила больше, чем любые слова.

– Это было глупо, прости, – прошептала я, прикрывая глаза, мысленно ругая себя за совершенный поступок, нервно разворачиваясь, не зная, что лучше, – убежать прочь или остаться.

– Неужели ты думаешь, Калери, я позволю тебе вот так уйти? – неистовый шепот твоих запутанных в моих волосах слов окончательно рушит основание кирпичных стен моих сомнений, едва ты в пару размашистых шагов приближаешься и заключаешь меня в свои объятия.

Глава 4

53 дня до твоего возвращения

ШОН: Мне бы не хотелось обидеть тебя своими воспоминаниями. Не все из рассказанного мной придется тебе по душе, но эти дни были в моей жизни и их не в силах вычеркнуть никто.

Те три года, что легли пропастью между нами, случились уже давно, но я как сейчас еще помню каждую встречу, едва ты вернулась в мою жизнь очередной яркой вспышкой. Только *ты* так умела. Только *тебе* одной позволено.

Я успешно поднимался по карьерной лестнице в актерской сфере ровно до той поры, пока ночной звонок Лили Грэй, моего агента, не разрезал фоновые звуки телевизора и шум дождя, прокрадывающегося в распахнутое настежь окно отеля, прерывая мою возможность напиться до состояния, когда мысли и воспоминания перестали бы терзать меня в ту ночь. Лили без приветствия громко интересовалась на другом конце провода, *что* я мог натворить на вечеринке у Тода Бэкерса (режиссера, пригласившего меня на вечеринку по случаю утверждения на роль в его новом проекте), чтобы тот трезвонил ей среди ночи. Я сказал, что Тод прилично напился и, возможно, ей лучше перезвонить ему сутра. Но уже тогда я понимал, что эта *наша* случайная встреча перевернет мою привычную жизнь с ног на голову.

Увидев обручальное кольцо на твоём безымянном пальце, я словно получил подтверждение тому, что все, наконец-то, кончено. Я словно потерял свой центр, но, несмотря на это, продолжил двигаться вперед. Жизнь не останавливается, даже если приходится оставить кого-то в прошлом. Как бы тяжело мне ни было, я не позволил себе погрузиться в отчаяние дольше чем на сутки.

Вернувшись в Чикаго, я получил сообщение, что был снят с проекта еще до того, как успел известить Лили о принятом мной решении – не участвовать в новом фильме Бэкерса. Карьера в кинематографе, так успешно начавшаяся, поразительно быстро замедлилась.

Мне продолжали поступать предложения на роли с определенным типажом – герои второго плана, с чувством юмора, успешные, невероятно популярные у девушек, и которые всегда оставались на обочине основной сюжетной линии. Преимущественно это были молодежные романтические комедии, коими пестрил Голливуд в те годы. Согласен, это приносило стабильную работу, хорошие контракты, имя в индустрии, но вскоре я стал отказываться и от подобных ролей, желая сыграть когда-нибудь значимого (не обязательно главного) героя, а не легкомысленного красавчика, достаточно пресытившись всей этой школьной любовью и не желая

переживать все снова и снова на экране, понимая, что могу погрязнуть в этом надолго, если не навсегда.

Сценарии приключенческих фильмов и боевиков я напрочь отказывался даже рассматривать, сколько бы мой агент не предлагала мне *«сменить гнев на милость»*, не зная истинной причины – я просто избегал любой потенциальной возможности пересечься с Дэниелом Рейнольдсом на одной съемочной площадке. Увы, с каждым отказом я терял актуальность и становился менее востребованным, менее популярным. Я также чувствовал, что съемки, фотоколлажи, вечеринки и все это неусыпное внимание не приносило былого удовлетворения, несмотря на первоначальный успех. И на фоне всего этого внутреннего недовольства, именно в 2006-м я начал все чаще задумываться, чтобы уйти из кино.

Пока мир обсуждал скандал с Эми Уайнхаус и ее непростую личную жизнь после релиза *«Back to Black»*, чей текст звучал практически из каждого утюга, и это служило напоминанием о том, как хрупка жизнь, как легко потерять что-то важное, даже если ты на пике, я жил практически как Фил Коннорс в *Панкساتони*⁷, снимаясь уже во второсортных картинах – единственным оставшимся вариантом для заработка, чтобы не затрагивать наследство своей *abuela*⁸. Я не слишком следил за новостями, но было невозможно не заметить, что все вокруг менялось день ото дня. В том году также начали бурно обсуждать кризис окружающей среды, в особенности после появления документального фильма Альберта Гора *«Неудобна правда»*, получившего два «Оскара» и задавшего импульс дальнейшему экологическому движению по всему миру, привлекая общественное внимание и некоторых селебрити Голливуда к проблеме глобального потепления. Для меня же тогда самым важным событием стал выбор, который я вскоре должен был сделать.

Идея перебраться в театр произрастала во мне из года в год и становилась все более четкой: я хотел сменить обстановку, вернуться к живой, искренней игре, в которой не нужно скрывать эмоции за объективами камеры. Несмотря на свою эпизодическую востребованность в кино, я всегда испытывал некую ностальгию по тем временам, когда учился в университете и читал Шекспира, пьесы Шоу и Мольера. Карьера в Голливуде, долгие часы на съемочных площадках, вереница бесконечных кинопроб и отказы – все это больше не привлекало. В какой-то момент я понял, что не хочу быть частью этого мира. По крайней мере по ту сторону экрана.

Однако, театральная сцена требовала совершенно другого подхода, другого уровня вовлеченности. Здесь не было примеров для подражания, не было долгих постпродакшн-работ и непрерывных пересъемок. Все происходило в моменте – прямо перед зрителем, в этой мгновенной и искренней связи, которая, казалось, могла растворить все рамки и границы.

Так осенью в 2007-го года, окончательно оставив кинематограф позади, я решился на смелый шаг: вернулся в Чикаго, где начал искать свой путь в театре, и сказал себе, что больше никогда не буду сниматься в кино. Это стало началом моего нового пути.

Мне пришлось попрощаться и с Лили Грей, но в нашу последнюю встречу мой агент ясно дала мне понять, что будет держать руку на пульсе, если появится *«что-то значительно интересное»* для меня. Я не стал разубеждать ее в обратном, впрочем, предложений от продюсеров и режиссеров так и не поступило.

Поначалу было тяжело. В кино я был привязан к определенному образу и типу, а тут мне предстояло быть кем-то другим, открытым, настоящим, живым. Но именно это оказалось тем, что было нужно мне тогда. Я начал репетировать в небольших театральных группах, дотошно изучать классические пьесы и пробовать свои силы в малоизвестных, но честных постановках. Появились первые роли в независимых спектаклях, и хоть я не мог избавиться от

⁷ Главный герой американской кинокомедии *«День сурка»*, снятой режиссером Гарольдом Рамисом по сценарию Дэнни Рубина. Фил работает метеорологом на телевизионном канале РВН Питтсбурга. Он циник, давно устал от однообразной работы и разучился получать от нее удовольствие.

⁸ (исп.) бабушка.

ощущения, что прошлое, связанное с карьерой в кино, все еще тянет меня назад, я все глубже погружался в театральное искусство.

Театр открыл мне целый мир. Я научился работать с реальными эмоциями, а не с тем, что требовали камеры и сценаристы. Чувствовал каждое слово, каждую интонацию, и эта чистая искренность стала настоящим откровением. Я не стремился стать незаменимым на сцене, не жаждал играть только главные роли в спектаклях и у именитых режиссеров-постановщиков. Не это мне было нужно – не внешнее признание, а внутреннее ощущение, что я живу в настоящем моменте, и что моя жизнь имеет смысл.

Следующий год был одним из самых значительных и тревожных в мировой истории – мы оказались на грани экономического краха. Фондовые рынки обрушились, а финансовый кризис 2008-го года стал рассматриваться историками как самый серьезный со времен Великой депрессии. Это непростое время обсуждали повсеместно.

В Чикаго, в театральной среде, тоже было трудно: финансирование сказывалось на решениях и постановках. Мировые рынки рушились, банки банкротились. Казалось, что искусство, которое я выбрал, может исчезнуть вместе с кризисом. Но в отличие от других, я был тверд в своей вере. Театр давал мне то, чего несколько лет не могло дать кино – возможность быть настоящим.

Помимо этого, 2008-й стал годом, когда весь мир замер в ожидании перемен – Барак Обама победил на выборах и стал первым афроамериканским президентом США. Я помню, как в театре, среди коллег, все обсуждали это событие. Многие из нас чувствовали наступление новой непредсказуемой эпохи. Это вдохновляло, но не настолько, чтобы затмить мысли о собственном будущем.

Эти три года я провел в поисках себя, осознавая, что оставляю в прошлом нечто важное. Покончив с кино, я пытался поверить в то, что театр – мое место, и что смогу найти там не только профессиональное удовлетворение, но и личное счастье. Но в мыслях постоянно звучал твой голос, твой смех, всюду мерещились зеленые глаза. А мелькавшая огнем рыжая копна волос, не принадлежавшая тебе, дергала за ниточку захлопнутую дверцу моего сердца.

Я не мог не думать о тебе.

* * *

Никогда не забуду, как впервые услышав о том, что вы отложили свадьбу из-за участия Рейнолдса в съемках нашумевшей франшизы «Точка невозврата: Операция Пандора», я то и дело строил планы сорваться в Лондон, чтобы украсть тебя у него из-под носа. Неслыханная дерзость, заглушаемая звоном кубика льда в бокале и вкусом чужих губ, так и не оставшихся в памяти.

Первый год после твоего отъезда был самым трудным. Дальше становилось привычнее. В те годы, продолжая работать в кино, снимаясь в ролях второго плана, с каждым новым проектом внутри меня разрасталась пустота. Даже на съемочных площадках, среди сотен неизвестных людей, я все равно чувствовал себя одиноко. Я пытался заполнить эту пустоту карьерой, найти смысл в профессиональном успехе, но никакая слава не могла затмить той дырки, что образовалась после нашей последней встречи в Нью-Йорке.

Безусловно, я встречал новых людей, знакомился с другими девушками, случались краткие интрижки. Это было не так уж и сложно, но личная жизнь стала чередой мимолетных встреч, коротких романов и фрагментов, из которых не складывалось ничего значимого. Я был актером кино, а затем и театра, и женская половина общества все еще находила меня весьма привлекательным. Впрочем, несмотря на то обаяние и внимание, которое я получал, никто не смог занять твое место в моем сердце. Я попросту *не мог* позволить себе забыть тебя, как не мог отвлечься от книги, которую у меня отняли из-под носа и которую я так и не успел дочитать. Твой образ стоял перед глазами, как нечто важное, с чем я не успел до конца разобраться.

Я правда пытался, встречаясь с другими девушками, засыпая с ними, но все они были лишь... мгновениями. Нечто временное, бессмысленное, чтобы хоть немного вытеснить твой лик из моей головы. Они не были Джейн Фрост. Как и не могли быть тобой. *Моей Калери.*

Окружавшие меня женщины были красивыми и доступными, стоило мне одним лишь только взглядом дать им понять, что я заинтересован в предлагаемой игре, но в них не было той тонкой, почти незаметной, необъяснимой привлекательности, что была у Калери. Все они были слишком простыми, предсказуемыми. Каждая из них искала во мне то, что, по их мнению, должна найти, вот только я не мог им этого дать. Я не готов был раскрыться, явить себя настоящего; роли в кино наложили тогда свой определенный отпечаток на мою жизнь. Каждый раз едва почувствовав, что эти женщины слишком явно строят отношения, слишком явно ждут от меня чего-то более серьезного, чем необременительные встречи для секса, я уже знал, что это наш последний вечер вместе.

Даже во время свиданий с другими, я первое время постоянно ловил себя на мыслях о тебе. О том, как ты сидишь напротив меня за столиком в кафе, смеясь над дурацкими шутками, саркастически отпущенными по одной-единственной причине – услышать твой невероятно звонкий, заразительный своей искренностью смех; как смотрела на меня таким особенным взглядом, что хотелось подарить тебе все звезды с небосвода предстоящей ночью. Как в твоих неповторимых зеленых глазах всегда был какой-то свет, будто ты могла бы уйти в любой момент, не сказав ни слова, но в то же время – оставалась рядом. И как это раз за разом сбивало меня с толку.

Когда вы поженились, о чем таблоиды словно наперегонки трубили снимками вашей свадебной фотосессии, я в очередной раз убедил себя, что у нас был всего лишь один из тех коротких студенческих романов, которые случаются, когда люди оказываются не в то время и не в том месте. Я уверил себя, что ты нашла свой путь. Что, может быть, твое место всегда было именно с Рейнольдсом, в такой звездной, яркой и полной жизни в Лондоне, где ты наконец-то обрела то, что искала, что тебе было действительно нужно. Я беспрестанно говорил себе, что так и должно быть, что я не привязался и отношения это последнее, что мне вообще нужно. Но маленькая искорка незавершенности все же тлела в груди, не давая покоя.

Став актером театра, я погрузился в цепочку репетиций, спектаклей, ночных премьер и превратившихся в традицию закулисных посиделок в баре. Я жил в мире, где эмоции всегда на поверхности, где каждый жест мог рассказать целую историю, а каждое слово – стать откровением. Но несмотря на свою способность меняться на сцене, я так и не научился быть кем-то другим в реальности. Я пытался заново устроить свою жизнь, прекрасно понимая, что мои встречи с другими женщинами не были и близко похожими на наши. Но это осознание не избавляло от постоянной ловушки, в которую я сам себя затягивал. Будем честны, я все время искал в каждой из них *тебя*, но не мог найти. И это было мучительно. Для них.

Первая женщина, с которой я попытался начать что-то серьезное, была актрисой масовки. (Не будем называть здесь их имен. Сейчас все это уже совсем не важно.) Она была яркой, полной жизни, искренне любила меня, завоевывая внимание своей открытой непосредственностью. Я видел в ее улыбке тепло и беззаботность. Говорила она всегда громко, смеялась без остановки, и каждое ее слово было напористо направлено на то, чтобы удержать мое внимание. Случалось, я ощущал себя Чендлером в компании Дженис⁹, и со временем ее веселость стала казаться мне омерзительно поверхностной. Я все чаще стал вспоминать о тебе – в естественном молчании ты была более настоящей, чем многие женщины с яркими голосами. А вскоре меня

⁹ Отсылка к американскому комедийному сериалу «Друзья», где Чендлер (Мэттью Перри) встречался с Дженис Литман-Горальник (Мэгги Уилер) на протяжении нескольких сезонов, постоянно бросая ее. Эта героиня также известна своим несносным и гнусавым голосом и фирменным специфическим возгласом «О мой бог!».

пригласили на съемки в Майями; она же предпочла остаться в Лос-Анджелесе, лелея мечту выбиться из массовки, обивая пороги киностудий.

Затем случилась еще одна актриса, – как раз в период, когда я только начинал свой новый путь в театре, – мы познакомились на одном из курсов сценического мастерства, которые я бесконечно посещал, желая научиться большему за как можно более короткий срок. Она была интеллектуальной, интересной, с ней даже можно было обсуждать философию, литературу и современное искусство. Она обладала той глубиной и знанием, которых мне так не хватало в предыдущих отношениях, и все же она не вызывала во мне тот огонь, что ощущался, когда мы с тобой наедине, практически без слов, чувствовали себя так, словно весь мир принадлежал только нам одним. Слишком рациональная, слишком контролируемая, чтобы вызвать во мне эту бурю, зажечь искру тлеющего на задворках воспоминаний костра. Я вновь стал ловить себя на том, что бесконечно сравнивал ее с тобой: *как бы ты выразила ту или иную мысль? как бы отреагировала на это?* Ответ был всегда один – моя Калери сделала бы все не так. Ты всегда была более чувственной, более интуитивной, чем любая из женщин, с которыми я проводил время.

После нескольких месяцев осознанного одиночества я начал встречаться с новой избранницей, казавшейся мне абсолютно другой – и, возможно, все было бы идеально, если бы не одно «но»: она была хороша, не требовала от меня чего-то невозможного, но в ее обществе я всегда чувствовал себя... не удовлетворенным. В этих, как мне тогда казалось, идеальных отношениях не было того странного трепета, который я всегда испытывал от одного лишь твоего присутствия.

Сравнивая всех их с тобой по каким-то малым нюансам, те в конечном итоге становились огромными. Это было странно. Я будто искал тебя в них, но не находил. Боялся не найти. Я хотел увидеть в их глазах хотя бы что-то приблизительно похожее на тот взгляд, которым ты одарила меня в зале ресторана в Нью-Йорке, несмотря на то что была помолвлена с Рейнольдсом. Я то и дело пытался поймать эту магию, искру, возникшую у нас с самой первой встречи в колледже, но ни одна женщина не могла мне этого дать. В них не было той загадки, с которой ты смотрела на меня, не было той необъяснимой, неуловимой красоты, заставлявшей мое сердце сжиматься.

И вот, ныряя в кабину такси рано утром после ночи с очередной женщиной, я вдруг осознал, что ничего не меняется. Я пытался заставить себя забыть, пытался быть с кем-то другим, но *Калери* оставалась во мне – в мыслях, в чувствах, в неутоленной жажде разобраться и проститься с тем, что мы не успели понять друг о друге.

* * *

С Фэллон мы долгое время просто общались, поскольку оба работали в одном театре Чикаго. После стольких не задавшихся отношений с коллегами по цеху в начале карьеры, на пороге моего двадцати-семилетия я разуверился в какие-либо служебные романы – все эти излишние драмы оказались для меня предсказуемыми.

Все началось с легкого флирта, забавных шуток на репетициях, с разговоров о жизни, о театре и о самых разных вещах за посиделками в баре всей театральной компанией. Наше непринужденное общение чем-то напоминало мне ту студенческую пору, когда я проводил время в твоём обществе.

Фэллон была интригующе независимой и страстной натурой. Она была молода, энергична, полна творческого энтузиазма и желания развиваться, а ее харизма просто никого не могла оставить равнодушным. Я обрел в ней друга, с кем мог разделить свою новую страсть к театру. Я заинтересовался ею, даже сам того не заметив. Она не искала специально моего внимания, однако же, все ее действия словно были вызовом для меня. Мы все больше времени проводили вместе, делились идеями о постановках, в которых принимали участие. Нам стали

давать роли супругов или возлюбленных в пьесах, заметив, вероятно, возникавшее притяжение между нами, побуждая к более тесному общению.

Глядя в ее большие, задумчивые серые глаза, получая молчаливую оценку своей игре на репетициях и премьерах, я стал все чаще думать о Фэллон, желать прикоснуться к ней вне сценарных действий и заученных реплик героев. Но, несмотря на всевозрастающую симпатию, я постоянно одергивал себя, пытаюсь сохранять дистанцию. Не хотелось увязнуть в отношениях, которые могут помешать моей работе в любимом театре, где все друг о друге знают буквально все, и скрывать нашу связь попросту было бы невозможно.

Однако, это все же случилось.

Откровенное кокетство перестало быть тайной. Несмотря на то, что на публике мы старались держаться профессионально, не показывая никому, что происходит за кулисами, когда покидали стены театра, все о нас, конечно же, догадывались. Весь наш коллектив понял, что между нами не просто дружеская связь, слишком хорошо читая нас под внешним маскарадом напускного флирта. Я же подвергал сомнению нашу любовную интрижку, переросшую всего за один месяц в контролируемый служебный роман. Внутри меня все кричало о том, чтобы я отпустил себя и позволил происходящему просто случиться, не задумываясь о последствиях, не боясь привязаться и, если суждено, вновь разочароваться.

Удивительным образом, Фэллон не требовала от меня обещаний или стабильности. Она вообще ничего не требовала. И все же, я не мог не замечать, как все глубже погружался в эту связь без названия. Я привык к ее присутствию, к ее шуткам, тихому смеху и взгляду, который излучал столько эмоций едва нам стоило остаться наедине. Секс с ней был не просто утолением жажды, это было пугающее чувство единения и близости. С Фэллон я стал незаметно забывать о тебе, подталкиваемый в спину вопросом о том, не повторяю ли я ту же ошибку, что и в колледже, поскольку не спешил называть ее своей девушкой, вопреки бурлящему тогда в крови страстному влечению.

Если честно, озираясь назад, мне до сих пор не верится в хитросплетения судьбы, подготовившей для нас очередную predetermined встречу, когда, казалось бы, этому не суждено было случиться *никогда*. Мы столько лет жили в разных мирах, на разных континентах. Проживали свои совершенно непохожие жизни, связанные с людьми, которых не было в нашем общем на двоих прошлом.

Новость о предстоящих гастролях в Лондоне повергла меня в противоречивые чувства. Я понимал, что это отличный шанс для карьеры, событие, которое может перевернуть судьбы очень многих в нашем театре под руководством Холдена Ричардсона. И в тоже время я с трудом осознавал, что окажусь в городе, который навсегда так или иначе связан *с тобой*.

Томас предупреждал меня, что эта поездка не закончится ничем хорошим. Он все знал о нашей последней встрече в Нью-Йорке, и продолжал винить твоего супруга во внезапно потухшей искре моей кинокарьеры. Впрочем, я не старался переубедить его в обратном, подозревая то же самое после разговора с моим агентом. Лили как-то пространно дала понять, что меня «убрали из проекта в связи с кинозвездой, согласившейся на участие, но выдвинувшей требование» взять на утвержденную для меня роль другого актера. Легко сложить два плюс два, не так ли?

Поддержка друга все эти годы была колоссальной, не смотря на творившийся беспредел в его личной жизни. Знаешь, Том жутко изменился. Сейчас он все чаще путешествует по таким местам, где может побыть наедине с собой, чтобы разобраться во всем. Брошенные мужчины довольно часто превращаются в одиночек, скрывающихся в море смутно знакомых лиц.

Не смотря на свою боль, мне удалось не потеряться в веренице бесконечно сменяющихся женских лиц, тогда как Томасу именно это и было нужно – затеряться. Измена Кэрол прошла по нему несколько раз бензопилой с сорванным стоп-рычагом. К тому же, отцом их ребенка оказался не он, что окончательно добило моего лучшего друга. И все же, вопреки собственной

трагедии, Том держал руку на пульсе моей жизни. А еще очень долго смеялся, когда я отправил ему репост афиши чикагского театра на Facebook, где говорилось о предстоящих гастролях в Лондоне.

Когда я понял, что нам все же предстоит провести пару месяцев в столице Великобритании, тотчас задумался о поиске жилья. Знаешь, а я ведь ненавижу гостиницы. Еще с тех пор, как был вынужден останавливаться в номерах отелей, кочуя по киностудиям и съемочным площадкам в первые годы после окончания колледжа. И дело вовсе не в уюте и стоимости. Просто все в них кажется мне таким фальшивым – однотонные стены, идеальный порядок, общее стерильное пространство, и, главное, полная изоляция от реальности. Это целый организм со своими сводом правил и законов. В отеле ты всегда чужой, каким бы ни был желанным гостем и сколь щедро не платил чаевые. Ты снимаешь номер, останавливаешься на ночь, а утром тебе все равно нужно уйти, будто тебя здесь и не было. После тебя наступает та самая стерильная чистота. Новый белый лист. Даже уходя на съемки, вечером ты возвращаешься в нерушимый порядок. Это отчасти напоминало мне актерство в сфере кино: ты приходишь, снимаешь сцену и снова уходишь, и ни одна из отыгранных ролей не останется с тобой, в тебе, оставшись фрагментом киноленты. Отвратительное чувство, которое никто до сих пор не в силах понять и разделить со мной.

Я начал думать, где можно остановиться, чтобы удобно добираться до здания Олд Вика, куда нас пригласили на гастроли по давней дружбе Холдена с Кевином Спейси, тогдашним художественным руководителем лондонского театра. Начитавшись советов по аренде жилья в Лондоне на Booking.com, я остановил свой выбор на спокойном районе недалеко от центра. Кеннингтон оказался отличным выбором, поскольку находился вне зоны развлекательного интереса путешественников, а также в десяти минутах езды от Олд Вика и в пяти минутах от гостиницы, где остановилась вся остальная часть нашего коллектива во главе с режиссером-постановщиком.

Небольшая, вполне комфортная квартирка в живом, но не туристическом квартале южной части Лондона, располагалась в старом викторианском доме с панорамой на тихий живописный двор. Современный дизайн двухэтажной квартиры странным образом сочетался с высокими потолками, оригинальными окнами с раздвижными ставнями. Изюминкой всему послужили слегка скрипящие полы под ногами. Ветхость и современность. Таков был и сам Лондон – настоящий, без прикрас, с узкими улицами, скрытыми пабами и небольшими уютными магазинами. Неподалеку в пешей доступности располагался парк, идеальный для моих вошедших в привычку пробежек по утрам и поздних прогулок после посиделок в баре с коллегами, а в паре шагов от квартиры можно было найти небольшие лавки с продуктами, где я покупал все необходимое для готовки на неплохо оборудованной кухне.

И вот я сижу за столом в этой съемной квартире и смотрю на Фэллон, сидящую напротив. Она сосредоточенно разрезает на тонкие ломтики свой омлет, щедро приправленный шпинатом и томатами. Идеальная гармония нежных черт лица на фарфоровой коже, в обрамлении длинных, ниспадающих в беспорядке каштановых волос. В ней странным образом соединились лучшие черты внешности Энн Хэтвэй и манящая томность движений и мимики Скарлетт Йохансон, отчего в театральной колонке прессы Фэллон Миллс частенько называли «*восходящей чикагской версией Скарлетт*».

Фэллон вновь посмотрела на меня и натянуто улыбнулась, не нарушая молчание. Накануне вечером, после спектакля, я предложил ей остаться у меня, поскольку нуждался в ней больше, чем когда-либо. С самого первого дня в Лондоне меня не покидало чувство панического ожидания и поиска, как если бы я хотел, но боялся встретить тебя во время утренней пробежки или возвращаясь домой поздним вечером. Пару раз мне привиделся огонь твоих

волос, мельком проплывший на фоне городских улиц за окном черного кэба¹⁰. Я даже обернулся убедиться, что ошибочно принял кого-то за тебя, но таксист уже свернул направо и скрыл из виду промелькнувший женский силуэт.

С тех пор я постоянно думал о том, что *хотел бы* тебя увидеть. Даже мельком. Я не был уверен, что позволю себе подойти к тебе на улице, особенно в компании Рейнолдса. (Точно нет.) Но как же мне хотелось встретить тебя вживую, а не на страницах журналов, где твой супруг давал очередное интервью, а редакторы считали необходимостью поместить ваши совместные фотографии как напоминание о «*британо-американской сказке*». И в то же время я боялся нашей встречи. Это были неясные чувства. Приходилось останавливать себя, чтобы не вглядываться в первые ряды зрителей, относительно неплохо просматриваемые, по сравнению с балконом и бельэтажем, – театральные софиты в новом для меня театре беспощадно ослепляли.

Фэллон сделала глоток кофе и слегка приподняла брови, как бы приглашая к разговору. Я быстро улыбнулся и постарался вернуть себя в настоящий момент, почувствовав острую необходимость выкурить сигарету. Мой ритуал успокоения. Я знал, что Фэллон не одобряла эту привычку. Она все еще забавно морщила нос в недовольстве каждый раз, когда я начинал при ней курить.

– Ты же дал слово, – тихо вздохнула она, устало опуская плечи.

Я помнил о своем обещании бросить эту пагубную привычку, однако, в таких мелочах всегда оставалась какая-то привязанность с прошлым, что не давала мне обрубить все и сразу. Очередной выхлоп назревающей маленькой ссоры. Но я просто не могу на нее злиться. Фэллон была частью той моей жизни, где уже нет тебя.

– Не начинай. – Высокие потолки эхом отразили мой голос в тишине помещения. Дым от сигареты витиевато кружил по воздуху, когда она наконец звонко отбросила столовые приборы и сжала ладони в кулачки.

С первых дней как мы оказались в Лондоне, в нас что-то изменилось. Появилось какое-то невысказанное напряжение, не растворявшееся даже в страстной волне секса, происходившего с нами как некий своеобразный клейстер для отношений. Фэллон постоянно находилась на грани чего-то, что можно было назвать обидой, но сдерживалась молчанием. А я не знал, как ее утешить и чем объяснить свое странное поведение на улице, когда смотрел по сторонам чаще, чем следовало в компании своей девушки.

– Я пойду в гостиницу, – произнесла она ровным голосом, отворачиваясь и направляясь к выходу. – У нас очередной прогон через пару часов. Я должна быть готова.

– Помню, – виновато произнес я, криво улыбувшись ей напоследок. Фэллон запретила мне целовать ее после сигарет. И вот сейчас я чуть было не склонился к ней за поцелуем, будучи отвергнутым на расстоянии вытянутой руки. Тепло ее ладони проникало под тонкую ткань футболки.

– Я хочу, чтобы ты бросил, – решительно отчеканила она после молчания.

– Я знаю. Прости.

– Ты сам обещал мне.

– Я стараюсь.

Она натянуто улыбнулась и послала мне воздушный поцелуй, прежде чем закрыть за собой дверь. Я выдохнул, подперев спиной стену, скрывая руки в узел на груди. Мне хотелось в очередной раз закурить и вытравить из головы нечаянные мысли о тебе.

Прикрыв глаза, снова увидел мою Калери – ту озорную, яркую девчонку, кокетливо следившую за мной в коридорах кампуса. Ты никогда не нуждалась в одобрении, была бесстраш-

¹⁰ Название такси Лондона и Британии, закрепившееся для черных автомобилей. На крыше данных «экипажей наемника» имеется табличка «TAXI», которая может подсвечиваться, чтобы указать на их доступность для пассажиров.

ной и манящей. И я все также безостановочно искал источник этой беззаветной улыбки, словно кто-либо еще мог вот так смотреть на меня.

Еще находясь в Чикаго и готовясь к предстоящему гастрольному туру, я отчего-то предположил, что она ждет официального объявления о нас.

Я крепко увяз, в какой-то момент перепутав жажду любви с влюбленностью, понимая, что ломаю эту романтическую комедию в своей жизни только для того, чтобы не остаться одному. Я просто позволил себе ответить взаимностью на ее чувства. Фэллон поверила, а заниматься любовью куда приятнее, если ты влюблен.

– Ты пожалеешь об этом, дружище! Подумай, – бесконечно повторял Томас на другом конце провода, когда я поделился с ним своим спонтанным решением.

Не знаю, почему я не сделал ей предложение в первый вечер в Лондоне (как и в последующие дни). Купленное накануне отъезда кольцо так и осталось лежать в бирюзовом футляре на дне потайного внутреннего кармана под замком в чемодане. Я был уверен в своих чувствах. Я даже мог представить себе свое будущее с Фэллон, однако, каждый раз находил десяток причин тому, чтобы назвать очередной момент *неподходящим*.

Наверно, я до сих пор не могу решиться переступить через воспоминания о тебе.

Я снова закурил, распахивая кухонную форточку, наблюдая как дым от сигареты витиевато танцует в пространстве, концентрируясь на короткий миг и растворяясь в воздухе.

Ты была частью меня самого, частью того времени, когда все было так просто и сложно в одночасье. И черт возьми, но тогда я еще не был готов сказать себе, что свободен от этого чувства. Потому что... все, что было с Калери, – *все было важным*. Мысли о тебе снова вернулись, как тень, что скользила по моей душе, напоминая о незавершенной истории, о не до конца прочитанной книге в единственном экземпляре. Лондон негласно стал мостом между тем, что было, и тем, что могло бы быть. И меня не покидала одна последняя, важная мысль: стоит ли пытаться искать встречи или, может, лучше оставить все как есть – в черно-белых снимках воспоминаний, не подвластных времени? Впрочем, по мосту не обязательно переходить. Можно просто стоять на нем и смотреть назад.

Я даже представить не мог, что произойдет, если мы встретимся. Может быть моя Калери уже не та. Вполне возможно, что эта, новая Джейн будет смотреть на меня как на кого-то из далекого прошлого, на того, кто совсем не нужен в ее новой жизни.

* * *

Спектакль закончен. Овации собраны. Занавес опущен.

Я хлопнул дверьми служебного входа на сцену одним из первых, направившись к себе в гримерку, попутно ослабляя шейный платок под широким жестким воротничком белой сорочки. В голове все еще звучали последние реплики, а растекшийся по венам адреналин не спешил угасать. Этот странный вакуум, в котором ты оказываешься едва покидаешь авансцену, слыша затихающие аплодисменты за спиной, странным образом не мог сегодня заполнить пустоту внутри.

Я готов был поклясться, что схожу с ума – в очередной раз я думал, что ты могла быть здесь, среди зрителей. Неоднократно я надеялся, что ты придешь. Но снова и снова разочаровывался. Я неосознанно желал твоего присутствия, оттого старался сыграть своего героя все лучше, чем прежде. Я чувствовал, жил, дышал как мой герой, то и дело ощущал этот скрытый в нем вечный поиск настоящего. Это была сложная, многослойная роль.

Оказавшись в темных стенах гримерной, я тотчас скинул фрак и жилет лорда Дарлингтона на кушетку, уперся ладонями на столик и уставился в собственное взволнованное отражение в зеркале. Наваждение, в очередной раз захватившее меня, постепенно угасало.

– Она не придет. Ты же знаешь, – приговаривал я, тщетно пытаюсь выровнять дыхание. Я так спешил остаться наедине с собой и собственными желаниями и страхами, не заметив, что практически сбежал за кулисы, едва выдалась такая возможность.

Я сжал переносицу большим и указательным пальцами, убеждая себя успокоиться и собираться на встречу с коллегами. Сменив костюм денди викторианской эпохи на модные в двадцать первом веке светлые брюки и рубашку, я нырнул в свои любимые лоферы как раз, когда едва слышно раздался стук в двери.

– Да-да, войдите! – произнес я, оправляя воротник рубашки, не подозревая, что в следующую секунду забуду о том, что вообще нужно дышать.

– Здравствуй, Шон.

Я оцепенел. Сердце на мгновение сжалось, руки перестали слушаться, а глаза продолжали шириться, пока я смотрел на твой такой знакомый силуэт в дверном проеме. Как сейчас помню на тебе было легкое летнее платье с завышенной талией. Воздушно настолько, что несмотря на светлый оттенок зеленого, оно придавало тебе схожести с призраком, взиравшим на меня в отражении.

Я повернулся к двери, потеряв дар речи. Внутри все перевернулось. Мне просто нужно было убедиться, что ты действительно стоишь со мной в этом маленьком тускло освещенном помещении.

Я смотрел на тебя, не в силах пошевелиться или произнести хоть слово, боясь спугнуть наваждение, то и дело рассматривая, выискивая подтверждения твоей реалистичности. Я неосознанно ждал, что все это игра воображения, что ты вот-вот исчезнешь.

Не поверишь, но больше всего на свете *в тот вечер* я желал видеть тебя. Интересно, за что я заслужил этот подарок? Почему высшие силы, рок или Бог, или кто там еще день за днем играет судьбами человечества, решили устроить нашу встречу именно тогда?

Мир сделал вздох и замер, когда мы встретились глазами.

И все изменилось. То вечное чувство твоего присутствия в последнюю неделю вдруг стало плотным и реальным. Это была ты. Стояла передо мной такая взволнованная, живая, невероятно красивая.

Ты сделала один нерешительный шаг, словно обдумывала что-то, сминая в руках брошюрку спектакля, которую выдавали всем зрителям при входе в театр, а в голове моей мелькали сотни мыслей, сбивая друг друга своей стремительной хаотичностью.

– Это было глупо, прости, – твой шепот разорвал звенящую тишину, позволяя всему миру в одночасье выдохнуть, когда мне показалось, что ты готовишься сбежать.

– Нет! – Это было неожиданно громко, но я уже в пару шагов сократил расстояние между нами и прижал тебя к себе. – Неужели ты думаешь, Калери, я позволю тебе вот так уйти?

Вспоминая об этой встрече даже сейчас меня бросает в пот от волнения. Я так сильно испугался, что ты уйдешь, оттого не сдерживал своих порывов. Позволил себе медленно отстраниться, не размыкая объятий, и снова посмотрел в твои глаза.

– Я видела спектакль.

Самый прекрасный голос в моей жизни – звонкий, тоненький и такой женственный – окутал меня своим теплом, словно и не было этих трех лет тишины между нами. Словно не было расстояния в тысячи миль, не было вод Атлантики, разделяющих нас все эти годы. И я улыбнулся, не зная, что ответить. Слова просто застревали в горле, вспышками взрывались в полупустой голове, где наконец утихли все недавние реплики и отыгранные роли.

Ты стояла передо мной, не отступив ни на шаг, не спешила высвободиться из моих ладоней, сжимавших твои предплечья. Я все еще боялся, что ты мой мираж.

– Ты пришла, – наконец выдохнул я, пытаюсь вернуть себе голос, поскольку твои глаза украли все слова, что я собирался тогда сказать.

Я опустил взгляд на твою улыбку, что озарила собой все пространство гримерки, – не мог наглядеться на эти ямочки на щеках, всегда придававших тебе особый задор, искренность и неповторимый шарм.

– Четыре года прошло. Но я сдержала обещание. Ты на сцене, а я в зрительном зале, – ты смущенно пожала плечами, словно оправдывалась. – И ты был великолепен.

Я радостно улыбнулся, сдерживая рвущийся наружу смех, пришлось даже спрятать лицо в ладони на короткий миг, чтобы как-то обуздать себя, не сорваться снова обнимать тебя и кружить по комнате. Должен признаться, мне этого безумно хотелось.

Глава 5

53 дня до твоего возвращения

ШОН: Я все еще не мог оторвать взгляд от твоих глаз, утопая в глубине нашей неожиданной, но такой долгожданной встречи. Я держался за тебя, не в силах до конца осознать реалии действительности.

Ты стояла передо мной в этом маленьком помещении гримерки, словно весенняя дымка, и смотрела на меня не то с извинением, не то в ожидании. Я столь часто представлял себе этот момент, но оказалось, не был готов. Признаюсь, я вообще никогда не был готов к нашим встречам, Калери.

Я потрясенно слушал звуки твоего нетерпеливого голоса, будто впервые следил за мимикой твоего лица. Я был безгранично счастлив такому подарку судьбы. Спустя столько лет ты по-прежнему улыбалась мне.

Все еще до конца не веря в происходящее, я осознал, что смотрю на приоткрытую дверь в гримерку, ожидая подвоха. Мысль, что ты пришла на спектакль не одна, но с ним, что твой муж непременно появится здесь и разрушит это сладкое мгновение, внезапно вспыхнула в моем сознании. Но проходили секунды, одна за другой, когда вдруг твой голос в очередной раз ласково коснулся звенящей в ушах тишины:

– Расслабься, я здесь одна.

Я вновь поразился тому, как легко ты считала на моем лице немой вопрос, замерший на устах с пульсацией утихающего сердца в груди. За три года многое переменилось, но одно оставалось неизменным – я все еще не мог научить его реагировать иначе, когда ты была рядом. А еще ты все также ловко читала мои мысли. Все до одной. Непостижимо.

– Я так счастлив увидеть тебя!

– Не знала, стоило ли вот так вторгаться в твою жизнь, – голос дрогнул, когда ты пожала плечами и выдохнула, а я в очередной раз прижал тебя к себе. – Но вот я здесь...

– Это невероятно, – шепнул я, вдыхая исходивший от волос аромат твоих любимых духов. Такой родной и знакомый.

Если бы я только мог никогда не размыкать эти объятия.

– Шон! Тебя ждет... Холден, – момент появления Фэллон на пороге распахнутой двери отрезвил в одночасье. Я почувствовал разом все эти годы, что простирались мостом между нашими реальными жизнями. Она умело превратилась из Фэллон, которую я знал лично, в Фэллон Миллс, ту самую, что она выставляла напоказ для поклонников и театральной публики. Но недоумение в ее серых глазах отразилось немимым вопросом, ведь я не пытался утаить свое внезапное разочарование, будучи вынужденным выпустить тебя из своих ладоней. – Ох, простите?..

– Нет, это вы меня извините, – мигом ответила ты, отступая на шаг и являя себя Фэллон. – Я не знала, что отнимаю время... Конечно же, я отнимаю время! Господи, о чем я только думала...

– Фэллон, это моя подруга. Мы вместе учились в колледже.

После этих слов взгляд брюнетки значительно преобразился, скользнув по твоей фигуре в светло-зеленом платье. Ты неловко заправила выбившейся локон за ухо, как мне показалось, это было незаметной демонстрацией обручального кольца. Я бы и не заметил, если бы взгляд Фэллон не зацепился за блестящий камень, который попросту не мог не привлечь женское внимание.

– Приятно познакомиться! – Фэллон шагнула в гримерку и протянула ладонь для рукопожатия. – Как вам спектакль?

– Я не устану повторять: это было чудесно. Правда, – искренне улыбалась ты, приличия ради, стараясь казаться вовлеченной в разговор с моей партнершей по сцене.

– Шон, нас ждет Холден. Ты ведь идешь на...

– Если я не вовремя, прошу прощения! Я... Это было незапланированно. Явиться вот так сюда... Просто падение с неба...

– Калери, мы не виделись три года! *Все это* подождет! – произнес я, подмечая промелькнувшее удивление на лице все еще мило улыбающейся Фэллон. – Давай так. Ты иди в бар через улицу, прямо напротив театра. Все время забываю название... Жди меня там. Я быстро решу свой вопрос с Холденом и присоединюсь к тебе незамедлительно.

– Но разве мы не?... – неуверенно отозвалась Фэллон, пытаясь напомнить о наших планах после спектакля.

Ты уловила начало ее вопроса и попыталась в очередной раз ретироваться, настойчиво уверяя, что наша встреча может подождать. Ты не хотела вмешиваться в события моей жизни. Понимаю. Однако, я не хотел тебя отпускать. Не в этот раз.

– Калери, – я заглянул в твои глаза, ласково сжимая ладонями предплечья, словно мог убедить тебя не уходить вот так быстро, не исчезать, – ничего не хочу слышать! Через десять минут. В баре напротив. Повтори?

– Но, Шон, все в порядке, даже если ты занят...

– Что я только что сказал? – с улыбкой спросил я, вынуждая сдаться.

– В баре через дорогу.

– Десять минут?

– Десять минут, – вторила ты, смущенно оборачиваясь к Фэллон, то и дело не прекращавшей наблюдать за нами.

Я схватил телефон и кардиган с крючка старомодной вешалки, не удостоив вниманием брошенный костюм Дарлингтона на диване у стены. С этим я точно успею разобраться завтра.

Фэллон первой вышла из гримерной. Ты поспешила следом за ней, но едва захлопнув за собой дверь, я тотчас обнял тебя за плечи и повел по запутанным узким коридорам театра. Сам того и не заметив, я помогал тебе неспешно спускаться по причудливо неудобным ступеням, к которым актеры, сновавшие из гримерок на сцену и обратно день ото дня, уже привыкли.

А в голове вскипал неугомонный поток мыслей. Эта встреча была не случайной, и значила куда больше, чем простое пересечение наших путей. Я знал и боялся, что если сейчас отпущу, то, возможно, никогда не смогу более поговорить с тобой.

– Какая, должно быть, неожиданно приятная встреча? – спросила Фэллон, оборачиваясь и глянув на нас, спускавшихся по лестнице вслед за ней.

– Это правда, – ответила ты.

– Лучший вечер в моей жизни, – не задумываясь, выпалил я.

И даже когда мы завернули за угол, продолжая идти в направлении к сцене, где нас с Фэллон ожидали коллеги, я поймал себя на том, что продолжаю вести тебя за собой, боясь выпустить твою ладонь из своей.

Мы остановились у массивной металлической двери, увенчанной аварийным светильником-указателем с надписью «ВЫХОД», когда я повернулся к тебе и, сжав твои тонкие пальцы, коснувшись губами тыльной стороны ладони, практически шепотом повторил:

– Бар прямо через дорогу. Я поговорю с режиссером и приду через десять минут.

– Да поняла я, поняла, – весело рассмеялась ты, шагнув в сторону двери. – Я буду там.

Мы с Фэллон продолжили идти по коридору, тогда как я не мог позволить себе отвести от тебя взгляд.

– Пообещай мне!

– Обещаю, – твоя улыбка в очередной раз оголила своими ямочками мое тосковавшее сердце.

Я кивнул и выдохнул, ощущая как напряжение понемногу спадает. Неожиданная встреча яркими вспышками прокручивалась у меня перед глазами, словно кадры киноплёнки.

– Никогда прежде не видела тебя таким счастливым, – заговорила Фэллон, хватаясь за мой локоть. Я с непониманием уставился на нее, продолжая шагать плечом к плечу.

– Неужели мисс Миллс ревнует меня к моей замужней подруге из колледжа?

– А, ты про тот огромный кричащий бриллиант у нее на пальце?

– Сложно не заметить, правда?

– У нас же были сегодня планы, – произнесла она, переместившись мне за спину, чтобы уступить дорогу встречным работникам театра. – Если ты, конечно, помнишь...

– Милая, ничего не случится, если мы перенесем запланированный вечер на завтра. Можешь пойти с ребятами без меня. Мы же всегда так делали в Чикаго. Я не могу не прийти на встречу с подругой. Она ждет меня.

– Ты прав. Вы не виделись сколько... три года?

– Да. Я тогда был весь в мире кино, как и ее муж.

Что-то подсказывало, что мне следовало прикрывать твое имя наличием супруга еще с нашей последней встречи. Никто же не станет ревновать бывших друзей, зная, что оба состоят в отношениях и крепких семейных узах, правда?

* * *

Холден Ричардсон, наш режиссер-постановщик и руководитель чикагского театра, хоть и был человеком с непростым характером, но все же отнесся с пониманием к тому, что я отпрашивался «на встречу со старым приятелем» с очередного собрания, где он принялся в очередной раз журить и жаловать актерский состав за игру на сцене, внося все новые и новые коррективы по расстановке и сценическим эффектам.

И только Фэллон искоса смотрела на меня, зная, сколь прекрасной была девушка, ожидавшая меня в пабе напротив. Я пообещал, что не задержусь, и вручил ей ключ от квартиры, намекая на то, что хотел бы видеть ее этим вечером. Это была своего рода необходимость – вот так демонстративно показать Фэллон, что Джейн была всего лишь другом из прошлого, а в настоящем же я ждал именно ее.

Через каких-то восемь с половиной минут я спешил покинуть стены Олд Вика, а в голове мелькали только две вещи: чувство внезапного облегчения и предвкушение встречи. Быстро, почти на автомате, глянул на часы – я практически опаздывал, но мне хватило бы нескольких минут, чтобы добраться до бара.

Я ускорил шаг, почти бегом выходя на улицу, где летний воздух Лондона удушающе пьянящей волной ударил мне в лицо. Я глянул на вечернее небо, затянувшееся грозными тучами, не оставлявшими сомнений – вскоре начнется дождь.

Стараясь двигаться быстро, перебежал дорогу наперерез медленно плетущемуся по узкой улочке транспорту. Я был уверен, что ты дождешься меня, пусть даже я буду вынужден задер-

жаться. Но даже если бы наша встреча стоила мне роли в постановке Холдена, я непременно бы нашел всему решение.

За эту неделю в Лондоне я понял сколь непредсказуемой была английская погода. Не зря же жители любовно прозвали его Городом Дождей. Я торопился. Вся моя энергия была направлена на одну единственную мысль – встречу с тобой. И вот всего в каких-то пяти шагах от паба я ощутил первые капли дождя на лице. Прищурившись, я коротко взглянул наверх. Дождь с легкой мороси внезапно превратился в стремительный ливень, зазывая прохожих в синхронный танец раскрытия зонтиков и побега в поисках укрытия.

Сорвавшись с места, я шагнул к двери паба, чувствуя, как за спиной дождь все сильнее стучит по асфальту, впечатляюще меняя планы лондонцев и атмосферу вокруг. Я дернул дверную ручку и за мгновение оказался в тепле и уюте. Звуки дождя остались позади, едва тяжелая скрипучая дверь закрылась за моей спиной. В воздухе пахло старым деревом, пивом и дымкой табака, словно здесь проходили десятки встреч и разговоров, оставивших свои тайны в стенах помещения.

Поток тусклого света из старинных люстр освещал барную стойку, темное дерево которой протерлось в местах, где чаще всего сидели посетители и проливались напитки. Стены были увешаны черно-белыми изображениями старого Лондона в темных рамках, а на полках под самым потолком пылились бутылки с редкими напитками. Не удивлюсь, если содержимое их уже давно распробовали и использовались они исключительно для колоритной обстановки. В помещении гудели голоса от бесконечных разговоров, смех и звуки стаканов, когда я отряхнул капли воды с намокших от дождя волос и огляделся вокруг.

Ты сидела в дальнем углу, за маленьким столиком рядом с окнами, где было чуть светлее, чем в основном помещении. На фоне этого уютного хаоса твоя фигура в светлом, воздушном летнем платье казалась загадочной и противоестественной. Ты ни разу не обернулась, подперев подбородок рукой и увлеченно смотря на танец дождя за окном. Зная, что ты ждешь меня, с каждым шагом я чувствовал, как сердце начинает биться чуть быстрее.

Я шагнул ближе, и ты тотчас взглянула на меня своими задумчивыми глазами, что в миг с изумлением заискрились в переливах радостных зеленых волн.

Мир в очередной раз на миг будто замер.

Я помнил это твоё восхищение и знакомое мне выражение на лице еще из наших общих студенческих вечеров. Не смотря на серьезность в глазах за прошедшие годы, на дерзость природного рыжего цвета волос, была в тебе все та же невероятная хрупкость.

– Думала, ты не придешь, – тихо произнесла ты, пока я усаживался напротив и с напускным недовольством посмотрел на тебя, после чего добавила, поясняя: – Из-за дождя.

– Калери, ни одна гроза не помешает мне прийти к тебе, если я буду знать, что ты меня ждешь.

Наконец, ты снова улыбалась, пораженная словами, в которых не было ни капли притворства. Я всегда давал тебе понять, что буду там, где ты меня ждешь. *Если* ты меня ждешь.

Внезапная тишина, возникшая за столиком, и эти взгляды, цеплявшиеся за воспоминания четырехлетней давности. Наш классический немой диалог.

Скучали оба. Молчали тоже.

Я откашлялся, внезапно осознавая необходимость выпить и закурить. На счет второго приказал себе воздержаться, пока не окажусь на улице по завершении ливня. Перед тобой на столике одиноко стояла полупустая бутылка колы и телефон. Столь непривычно оказалось видеть тебя вот так без книги.

– Пойду за напитком. Тебе что-нибудь взять? Пиво? Виски?

– Бокал красного вина. Благодарю.

– Я скоро вернусь, – встав из-за столика, я ненавязчиво коснулся ладонью твоего плеча, словно мне потребовалось очередное доказательство твоей реалистичности.

Бар был полон, но не перегружен. В самом углу возле входа еще оставались свободные места. Теплый влажный ветер, несущий запах свежести, слегка колыхал жалюзи на открытом окне напротив бара. Полы, выложенные деревянными досками, скрипели под тяжестью шагов, не смотря на шум разговоров и смеха, растворявшихся в общей атмосфере легкости, где никто по-настоящему не был абсолютным незнакомцем. Всех посетителей объединял в этот вечер сам паб.

Бармен, мужчина средних лет с немного седыми волосами, неспешно наливал пенящийся напиток в стеклянные кружки, когда я подошел сделать заказ. Он мастерски отдал пиво посетителям и привычным движением протер барную стойку, куда секундой ранее капнула не то пена, не то конденсат со дна бокалов. Не исключено, что бармен знал почти каждого кто сидел за стойкой, и время от времени бросал быстрые, знакомые взгляды в их сторону, успевая обслужить как новых клиентов, так и постояльцев.

Расплатившись и подхватив напитки, я вернулся. Ты ждала меня, застегивая молнию на маленькой дамской сумочке. Телефона на столике больше не наблюдалось.

– Ты потрясающе выглядишь, – произнес я, едва ты поблагодарила меня за вино. Я попытался скрыть напряжение, но ты не могла не заметить, как сильно я нервничал. Губы дернулись в улыбке и взгляд твой смягчился.

Клянусь, Калери, даже сейчас, когда ты улыбаешься, я забываю дышать.

– А ты совсем не изменился. Не в плане внешности, конечно, но... ты все такой же.

– Это хорошо или плохо?

– Кто я такая, чтобы судить об этом.

Откинувшись на спинку стула и делая неспешный глоток джин-тоника, я раздумывал над тем, стоит ли ответить тебе или лучше промолчать. Я искал, пытался подобрать слова, но те не приходили. Как-то непомерно много было между нами. Пробелы, которые не заполнились за эти годы. Впрочем, я даже не знал способен ли их как-то восполнить.

Ты нахмурилась и взглянула на меня. Печаль сменилась любопытством, однако ты не задавала лишних вопросов, оставляя за мной право и пространство для поиска ответов.

– Как ты? Как твоя жизнь?

В твоём голосе улавливалось желание понять, кем я стал, пока тебя не было рядом. Простой вопрос, но как же сложно было мне ответить.

– Справляюсь.

Я пожал плечами, наблюдая как твой взгляд буквально скользит по мне, будто в поисках невысказанного подтверждения моим словам. Я понятия не имел как можно было описать три года в паре предложений. И все-таки, глядя на тебя, видя в тебе ту Джейн, которую знал прежде, я был уверен, что ты и без слов прекрасно понимаешь мой ответ.

– Почему театр? Куда делась жажда снимать фильмы?

– Сколько времени прошло, а ты все та же любопытная девчонка в оранжевом свитшоте, – усмехнулся я. Ты смущенно покраснела. – Ну, скажем, я осознал, что хочу быть там, где мне позволят быть настоящим. В кино у меня были в основном однотипные роли, не удовлетворявшие моего внутреннего актера. Впрочем, я научился легко превращаться в «лицо» – красивое и правильное, но лишённое глубины. Этого от меня хотели как продюсеры, так и режиссеры. На театральной сцене я не связан с образом, и могу быть разным. Даже в одной и той же пьесе, выступая каждый вечер, я могу быть другим.

– Но разве, стать великим режиссером – это ли не твоя заветная мечта?

– Мечта никуда не делась. Я все тот же Шон Кейн, не снявший свой первый и последний фильмы.

Ты просияла и слегка кивнула, как бы соглашаясь, явно вспомнив наш первый разговор о мечтах и целях, о будущем. Мы тогда едва были знакомы. Ходили в кино и бесконечно много болтали. Вот просто обо всем на свете.

Душу освещало осознание, что оба не забыли о прошлом. Чувства, которые мы заперли годами ранее, все еще теплились внутри нас осколками памяти. Мы знали, что эти посиделки в пабе были больше, чем просто встречей старых друзей, несмотря на разделявшее нас время и разные линии жизней.

– У меня все еще впереди, если ты об этом так переживаешь.

– Кажется, ты теперь на своем месте.

Я кивнул, продолжая пристально наблюдать за тобой. Один бог знает, когда мне еще представится возможность просто смотреть на тебя вот так, сидя за одним столом в полумраке лондонского заведения, когда на улице дождь.

– Я помню тебя на сцене, на тех репетициях у профессора Вуд. И хотя ты чаще всего кривлялся и шутил, но твое место на сцене никто не мог заменить. Это правда. И твой Дарлингтон – он прекрасен.

– Спасибо. Твоя оценка важна для меня.

– Я рада, что мне удалось вырваться на спектакль.

– Как так получилось, что Дэниел отпустил тебя одну?

– По-твоему, я нахожусь в заточении? – изумление в твоём голосе надломилось от тени легкой обиды.

– Я не это имел в виду.

– Мы довольно часто отдыхаем порознь. У Дэна и без походов в театр достаточно дел. Или ты хотел бы встретиться с ним?

– Господибоже, нет! Это последнее, о чем я стану просить, даже выпив весь алкоголь в этом баре! Даже за деньги.

Мы рассмеялись и в повисшей тишине попивали каждый из своего бокала.

– Как ты себя чувствуешь в роли жены знаменитого актера? В роли, которую сама выбрала, – сказал я, надеясь, что это поможет снять возникшее напряжение после упоминания о твоём супруге.

Ты обогнула взглядом помещение, прежде чем снова посмотреть на меня. Я хорошо знал эту твою привычку молчать – будто подбирала слова, которые не хотела произносить вслух. Ты не позволяла себе быть уязвимой. И я сразу понял, что ты не ответишь мне прямо и честно.

– Вроде как... нормально, – прозвучал ответ.

Что-то в твоём голосе заставило меня задуматься о том, как ты живешь, как изменилась твоя жизнь, даже если снаружи все выглядело хорошо. Если я мог спокойно скрываться за очередной ролью в театре, да и вообще мог быть кем угодно, то тебе было гораздо сложнее. Я видел это по твоим глазам.

Я поднял бокал и немного наклонился вперед, привлекая внимание, выуживая тебя из сотен бьющихся друг о дружку мыслей. Я так много думал о нашей встрече, что вдруг осознал, как сильно мне не хватало именно этого – твоего присутствия. Пусть другом. Пусть так. Пусть это всего лишь встреча старых друзей, несостоявшихся любовников. Пусть все останется как есть. Но в этих трех годах, пока мы не виделись, я так часто ловил себя на мысли, что хотел бы вот так просто поговорить с тобой. Как раньше.

– Я рад, что ты пришла, Калери, – наконец, произнес я, сам удивляясь тому, сколь спокойно звучал мой голос во время этого признания.

Ты подняла взгляд от винного напитка, и я заметил, как невольно сжались тонкие пальцы на высокой ножке бокала. Никто из нас не ждал, что я скажу это так прямо. На лице твоём промелькнула смущенная улыбка. Мне безумно хотелось взять тебя за руку, как прежде, когда у меня было на это право, когда я не боялся того, что подумают окружающие нас люди в переполненном баре. Ведь сейчас мы были просто старыми друзьями из колледжа с общим прошлым, но только внешне. Я теперь едва ли что знал о твоей жизни.

– Я не была уверена, что ты будешь рад мне.

– Почему?

– Прошло столько времени. Я думала... я была уверена, что ты забыл уже обо мне.

Если бы я только мог. Три года достаточно, чтобы забыть как плохое, так и хорошее, но очень мало, чтобы стереть все воспоминания.

В словах этих не было особого упрека, скорее чистая констатация факта. Забавно было услышать от тебя то, о чем сам часто твердил себе. Слишком много времени прошло. Я шел по своему пути, ты выбрала – свой. В конце концов, мы оба приняли случившееся, оставив все в прошлом. А прошлое – не более чем ретроспектива. Без возможности вернуться.

Я покачал головой, не отводя взгляда.

– Я тебя непременно вспомню, если когда-нибудь забуду.

Ты сидела, прислушиваясь к моим словам, и улыбнулась, наклонившись вперед и подерживая подбородок рукой. Мягкие локоны волной огня скрыли твое лицо от посторонних, предоставив мне исключительное право смотреть на тебя.

– Я никогда не хотел, чтобы ты исчезала из моей жизни, Калери. Я не был уверен, что справлюсь, но я всегда помнил о тебе. Переживал как ты там. Вернее, здесь. Господи, оглянись, да мы сидим в лондонском пабе!

– Я знаю! – Ты вторила моему смеху. – Никогда бы не подумала, что встретимся вот так – на твоём спектакле.

– Ага.

– Еще и в Лондоне.

– Согласен. Это странно.

– Мне всегда казалось, что мы обязательно пересечемся на какой-то премьере или одной из этих вечеринок, но, когда ты сменил экран на сцену... шансов оставалось не так много.

И только после этих слов я вдруг осознал, что ты следила за моей страницей на Facebook.

Я не решался написать, поскольку не был уверен, что твой чикагский номер все еще обслуживается. Я пытался искать тебя в соцсетях, в группе выпускников нашего колледжа, выискивая малейший намек на аватарку с чем-то, что могло напомнить мне о тебе и подсказало бы, что это могла быть ты. В конечном итоге я бросил эту затею. Вполне вероятно, в целях безопасности у тебя был другой ник, отсутствовала фотография и минимум данных даже для закрытого профиля.

Но я не случайно разместил на своей странице новость о гастролях в Лондоне. Калери, этот репост я сделал *для тебя*, на тот случай, если ты случайно набредешь на мою страницу в набиравшей популярность соцсети. Могла ли ты знать об этом, когда читала афишу спектакля?

– А как ты... узнала от подруг? – мне безумно захотелось услышать подтверждение своим догадкам.

– Да. Все так и было, – ответила ты, кивая и опуская взгляд. Несложно было догадаться, что жизнь с Рейнольдсом научила тебя прятать свои настоящие эмоции.

Внезапно я вспомнил, что ты замужем уже два года. Словно увидел за твоей спиной всю ту новую жизнь, которой ты жила: Лондон, муж кинозвезда, красная ковровая дорожка, новая семья и друзья.

Перед глазами за миг пролетел последний месяц в колледже, когда ты сообщила, что улетаешь. Я хотел остановить тебя тогда. Больше всего на свете я желал заключить тебя в своих объятиях и *никогда нигде* не отпускать. Но в то же время я видел, как сильно ты полюбила его. Я был свидетелем всех твоих страданий, причиненных моим глупым поступком, продиктованным чрезмерно выпитым алкоголем на твоём дне рождения. Знай я тогда, что ты выберешь его, я бы не посмел причинять тебе столько боли. Никогда не позволил бы этому случиться. И, быть может, ты была бы еще на несколько недель счастливее.

И все же, я не мог забыть тот поцелуй с привкусом надежды. Я как сейчас помню дорожки слез на твоих щеках и возмущение в голосе, оттого что был глуп и нерешителен, что не при-

знавался в своих истинных чувствах, что не трубил о нас на каждом углу, едва только твоя ладонь впервые доверчиво легла в мою.

Мы молчали три года. И все еще продолжали молчать. Просто сидели и смотрели друг на друга, словно читая мысли как дорожку субтитров. Боясь озвучить то, о чем несомненно говорили за нас глаза. Признаваясь в том, что не случилось. Не произнося вслух то, о чем нельзя более говорить по определенным обстоятельствам.

– Как Астрид? – твой неожиданный вопрос застал меня врасплох.

– Нет никакой Астрид.

– Определенно должен быть кто-то. Ты же Шон Кейн. Я просто не поверю, что ты все еще один, – твой голос был полон сомнений и того самого, женского ожидания правды, которую хотелось знать, но в которую отчаянно не хотелось верить.

Легкое напряжение от твоего вопроса, наконец, достигло своей глубины. Задержав дыхание, я вдруг мысленно вернулся к Фэллон. И даже вспомнил кольцо, которое выбрал перед поездкой, но так и не решился вручить ей.

Я должен был сказать тебе правду. Но что-то внутри подсказывало, что лучше мне было тебя обмануть. Ведь выдав тебе эту маленькую ложь, я снял бы с себя оковы прошлого. Показал бы, что научился свободно дышать без тебя, что не искал в каждом прошлом отношении твой призрачный образ, наглухо засевший в памяти. Сердце не хотело отпустить тебя.

Я немного медлил с ответом, в очередной раз отхлебнув джин из бокала.

– На самом деле, я в отношениях, – выдавил из себя, мгновенно чувствуя, как собственные слова режут одну за другой связывающие нас нити. Но все было решено, и отступить не имело смысла. – Это Фэллон. Ты видела ее сегодня в моей гримерке. Мы встречаемся. Правда, скрываем это от коллег в театре.

Ты молчала, внимательно слушая. Взглянула на меня украдкой, а затем снова посмотрела на бокал в своих ладонях, словно оценивая полученные от меня факты. На лице твоём не было удивления, одно только принятие. Я понимал, что так или иначе был бы вынужден соврать тебе о нас с Фэллон, просто чтобы не возникало лишних вопросов.

– Она красивая.

Я напряженно кивнул, умышленно увлеченно рассматривая витиеватые линии рисунка деревянной столешницы.

– И я очень рада, что ты закончил с Астрид, – голос твой звучал беспристрастно.

– Это был один из тех романов в колледже, о которых не стоит вспоминать, – признался я, после чего тотчас осознал всю мерзость сказанного мной. – Не то, чтобы я хотел забыть то, что было между нами... это...

– Шон, ты не обязан объяснять.

– Нет-нет! Я вовсе не хотел сказать, что забыл о том, *что* было между нами в колледже. Я бы солгал, если бы признался в подобном...

– Шон... я понимаю, да...

– Это... это другое.

Ты провела рукой по лбу, поправляя прическу, робко улыбнулась, скользнув взглядом по мне и снова уставилась в остатки гранатового напитка в бокале.

Я глубоко выдохнул. Начать разговор снова оказалось непосильной задачей, учитывая, что я зашел на покрытую пылью и паутиной времени территорию.

– Я скучал, Калери.

Не стоило даже отвечать сразу, ведь было заметно как дернулись уголки твоих губ, а в груди моей разлилось тепло от того, *как* ты посмотрела на меня. Ты могла вполне сказать о том, сколько времени утекло, и что мы оба сильно изменились, и что стало сложнее, намного сложнее, чем раньше. Но вместо этого ты тихо произнесла:

– И я скучала, Шон.

Не в силах сдержаться, я улыбнулся, скрестил руки на груди и оперся на стол.

Тишина тянулась, заполняемая звуками сменяющихся посетителей заведения, звоном столовых приборов о тарелки и смехом от особенно хороших пьяных шуток. Но в этой тишине происходило нечто ценное, словно возвращалось из нашего прошлого, ломая стены и преграды. Я четко видел, как если бы мы стояли на том мосту, что разделял нас в моем воображении, то именно *сейчас* ты обернулась.

Ты заметно нервничала, несколько раз просматривая и изучая окружавших нас посетителей в столь поздний час. И незаметно сглотнула, на миг сжав губы, а взгляд скользнул мимо меня на улицу. Туда, где за окном давно начался июльский вечер.

– Дождь прекратился, – задумчиво сказала ты, выходя сосредоточенной, слегка настоженной. Хотелось верить, что тебя также бросало в путешествие по тем временам, когда все казалось проще, когда мы могли быть рядом, не боясь вопросов и не ожидая быть пойманными.

– Я провожу тебя, – понимающе кивнул я и разом осушил остатки джин-тоника.

* * *

Я вышел из паба первым и сразу почувствовал, как влажный после дождя летний воздух Лондона раскрывает свои объятия. Остановившись у кирпичной стены здания, оперся на кованную ограду, что поддерживала старую вывеску. Пальцы без спешки потянулись к пачке сигарет. Я вытащил одну, поднес ее к губам, задумчиво осмотрел улицу и прохожих вокруг, пока доставал зажигалку.

Кончик сигареты дрогнул, едва искры огня мелькнули в вечернем полумраке. Первый короткий вдох, и дым наполнил легкие знакомой тяжестью, даруя долгожданное за весь вечер наслаждение. С выдохом легкое табачное облако окутало меня, ненавязчиво растворяясь в ночном воздухе. Закрыв глаза, на мгновение позволяя себе забыться, потеряться в этом моменте. Не нужно более никуда спешить – в каждом медленном вдохе была какая-то необъяснимая бездна.

Я стоял, склонив голову чуть вбок, рассматривая темное небо с паволокой тумана, характерное для этого города также, как и беспрерывно бурлящая жизнь. Я будто прислушивался не только к ночному городу, но и к собственным мыслям, что, казалось, с каждым вдохом прояснялись. Сам воздух был полон какого-то особенного чувства. Не похожего ни на что из предыдущих подобных вечеров, когда мы выходили из бара с коллегами, разбредаясь по своим временным пристанищам.

Я только слегка повернул голову и тотчас заметил, как ты вышла на улицу, медленно огляделась по сторонам и нашла меня, словно тоже почувствовала это незримое натяжение в воздухе.

Сделав еще одну затяжку, я томно выдохнул сигаретный дым, пока мой взгляд был все еще прикован к тебе. Ты не сказала ни слова, просто остановилась рядом. Только запах сигареты, смешанный с ночной прохладой, касался твоего лица с дуновением ветра, как бы я ни старался увернуться.

Каким-то странным образом, в этот момент, стоя напротив с догоравшим окурком в руке, я почувствовал, что не могу и не хочу отпускать тебя. Все внутренние вопросы, все смятение и чувства вдруг обострились. Мы не виделись так долго. Неужели эта встреча – единственное, что дает нам жизнь? Уже тогда я начинал понимать, что *каждая встреча имеет значение*.

Я не хотел забывать. Нам нельзя было забывать. Стоять вот так, рядом с тобой, было столь естественным, словно не было ни именитых актеров, ни десятков актрис, ни тысяч километров между нашими новыми домами.

– Слушай, я не хочу, чтобы это выглядело странно или неуместно. Я понимаю, что ты замужем и у тебя есть обязанности. Но я бы очень хотел увидеть тебя снова. Просто встретиться. Как раньше. Думаю, мне пригодится хороший гид по городу. Что скажешь? – я при-

стально смотрел на тебя, выдыхая дым немного в сторону, но неутомно заигрывающий с твоими волосами ветер то и дело возвращал его к тебе.

Твои глаза заблестели, а на губах появилась легкая, почти неуловимая улыбка – не согласие, нечто иное, – момент, когда два человека понимают, что приобретенное этим вечером все-таки не закончится.

Ты не сказала «да», просто смотрела на меня, словно пронзала душу изумрудными кристаллами. И этого было достаточно. Я не знал, что будет дальше, но хотел, чтобы это не заканчивалось вот так просто.

Ты нервно убрала прядь волос за ухо, задумалась над чем-то. Я представил себе, что ты, вероятно, думала о Дэниеле, о том, как он мог бы это воспринять, пыталась понять, как наша очередная встреча впишется в твою жизнь, в отношения с мужем, оттого не стал торопить с ответом.

– Пожалуй, гид из меня никудышный. Я и сама толком не знаю Лондон за все эти годы.

Сигарета догорала между пальцами с невозмутимым спокойствием, и каждый вдох мой был частью чего-то большего, чем просто желания курить. Это было как выражение внутреннего монолога. Не озвученные слова. И когда я снова взглянул на тебя, этот дым все еще вился в воздухе вокруг, словно неведомая преграда, что одновременно разделяла и соединяла нас.

– Что мешает тогда нам посмотреть его вместе?

И было в этом долгом взгляде все – неопределенность, поиск, вопросы и ответы.

И *все* было в этом дыме. И в твоей восторженной улыбке.

Глава 6

53 дня до моего возвращения

ДЖЕЙН: У тебя есть девушка. Ну, конечно, у тебя была девушка. Как же иначе!

Я смотрела на свое отражение в зеркале туалетной комнаты, пытаюсь привести свои мысли в порядок, отбрасывая нахлынувшие тревожные воспоминания.

Как оказалось, я скучала по тебе даже больше, чем ожидала. Титры нашего вечера приближались к концу, но мне так сильно не хотелось отпускать тебя. Я не готова была прощаться, но мне нужно было возвращаться в привычную жизнь.

Ты ждал меня на улице, недалеко от паба, где мы только что общались чуть больше часа. Невыносимо мало времени для встречи со вкусом трехлетней тишины.

Вокруг все еще ощущался запах мокрой брусчатки и пара, поднимавшегося от влажных разгоряченных за день камней, но воздух уже становился прозрачным и легким, с различимым налетом земли и асфальта, пропитанных недавно пролитой с небес влагой. Аромат мокрых листьев на деревьях и цветочных клумб яркими оттенками слышался с каждым дуновением прохладного ветра. Свет уличных фонарей, вывесок и фар, проезжавших мимо автомобилей, отражался в лужах и на влажных каменных стенах фасадов. Звуки города приглушены, словно сам Лондон погрузился в задумчивость, готовый встретить ночь с особым, тихим величием.

Ты, не спеша, сделал затяжку и выдохнул. Прежде чем повернуться и найти меня, я заметила, как ты погрузился в свои мысли, невольно следя за пробегавшей перед тобой картиной мира.

Сигаретное облако расплывалось в воздухе, лениво опускаясь вниз, пока я невольно следила за его танцем, медленно приближаясь к тебе. Было что-то магическое в том, что курение стало твоим исключительным ритуалом еще со студенчества – что-то легкое и совершенно неотделимое от твоего образа. Это являло собой не просто действие, но ту часть тебя, такую же привычную, как и шаги, молчание или взгляд бесконечной темноты, коим ты всегда на меня смотрел.

Я попыталась вспомнить, как много раз видела тебя вот так – в тот самый момент, когда дым, расплываясь, обвивает черты столь знакомого лица, когда ты стоишь с сигаретой в руках на фоне неясных уличных фонарей. И все в этом кажется мне столь знакомым, таким своим. Я давно поняла, что курил ты не для того, чтобы показать свою стойкость или независимость. Нет. Это был твой способ оставаться *собой*, даже когда мир вокруг трещал по швам. Ты словно растворялся в этом мгновении, и каждый выдох был твоим собственным выражением всего, о чем нельзя было сказать словами.

Я попыталась разделить тебя с этой вредной привычкой еще в колледже, в те месяцы, когда нам обоим казалось, что мы хотим стать ближе, больше, глубже, но потерпела неудачу практически сразу. А твой запах и табачный шлейф с тех пор стали чем-то единым, по чему я оказывается так безумно скучала. Он был частью наших недо-отношений, частью воспоминаний о вечерах, когда мы ни о чем не думали, а просто были рядом в темноте ночных прогулок, в полумраке комнаты, освещаемые экраном ноутбука с очередным фильмом.

Дэниел никогда не курил. Ни в жизни, ни при мне. Конечно, он мог сделать это для образа или фотосессии, но это никогда не было частью его самого. В культуре его семьи, в его воспитании и жизни не было места сигаретам. Все было под контролем, правильно выверено и аккуратно.

Даже в кино, когда он играл роль, где его герой выкуривал или хотя бы держал сигарету в руке, Дэн всегда отмахивался от той практически сразу после отснятого дубля, как если бы эта привычка была чужда всей его сущности. Я удивлялась тому, как в эти вынужденные моменты для съемок мой муж не постигал в этом жесте необъяснимую, бездумную легкость. Он был расслаблен, но что-то неуловимо оставалось неестественным для меня в тех эпизодах.

Это сизое облако было все той же тонкой нитью, связывавшей наше с тобой прошлое. В нем было столько свободы, не сдерживаемой рамками и предрассудками. Это настолько отличалось от моей нынешней жизни, где практически все, что находилось за пределами стен нашего дома, было просчитано наперед целой командой менеджмента моего мужа, где каждый мой шаг должен был совершаться по неукоснительным правилам, во благо его процветающей карьеры. Дэниел был активом, в который вкладывали другие люди. И эти же люди заботились, чтобы вложенные ими силы и средства имели должный результат.

Ты же был прост и естественен, как и этот табачный дым, что в очередной раз окутал меня с порывом летнего дуновения ветра, как ты ни старался выдохнуть его в противоположном от меня направлении.

– Слушай, я не хочу, чтобы это выглядело странно или неуместно, – заговорил ты, безотрывно изучая меня глазами, словно цепляясь за что-то, что не позволило бы тебе отпустить меня сейчас. – Думаю, мне пригодится хороший гид по городу. Что скажешь?

Я едва смогла удержать рвущуюся наружу улыбку, осознавая, что ты тоже посчитал эту встречу безумно короткой.

Дымные вихри от твоей сигареты обвивали нас, словно невидимая аура, размывая детские некогда между нами границы. Я смотрела и понимала, что эта привычка, этот обращенный на меня взгляд, оставались со мной все время. Я не могла оторваться от происходящего в тот миг, даже если бы попыталась. Ты все еще был *моим Шоном*, тем, в кого я когда-то влюбилась, кто жил в моих мыслях и воспоминаниях словно эта окутанная туманом фигура – почти мифическая, отстраненная, но не позволяющая себя забыть.

Я пробубнила что-то о том, что не знаю город настолько, чтобы предложить себя в качестве гида.

– Что мешает тогда нам посмотреть его вместе?

При этих словах след выкуренной тобой сигареты ненавязчиво концентрируется в воздухе, как и легкий мужской парфюм, который я заметила еще за столиком в пабе.

Немного животный, насыщенный аромат, словно подсушенное жарким солнцем темное дерево. Он другой, не такой как раньше. Будоражит воображение, цепляет и запоминается. Как смесь роскошной темноты и силы. А едва ощутимый угольный оттенок табака и специй создавал теперь ощущение манящей теплой бархатистости, как запах самой темной ночи, полной тайн и приключений.

Ты вытянул из кармана айфон, сделал пару нажатий и протянул его мне. На экране горело табло набора информации для сохранения нового контакта.

Стараясь сдерживать дрожь в пальцах, я набирала цифры, соответствовавшие моему новому номеру телефона, подспудно проверяя в уме правильность их порядка, словно боялась допустить одну единственную ошибку.

Я вернула тебе айфон, и ты тотчас спрятал его в кармане брюк.

– Не проверишь? Быть может я солгала?

Ты усмехнулся, чиркнув пеплом по краю урны, прежде чем выбросить окурочок.

* * *

По пути домой, сидя за рулем машины, я ощущала, как сигаретный дым прочно въелся в волосы и одежду, даже несмотря на бьющее по лицу дыхание ночного ветра в опущенные боковые окна.

Пальцы машинально перебирали волосы, пытаюсь стряхнуть этот запах, но он оставался – тонкий, почти неуловимый, как воспоминание о проведенном с тобой наедине времени, от которого не могла избавиться, подгоняемая страхом разоблачения. В бурлившем воображении Дэниел еще с порога интересовался, где я была весь вечер, хотя удивительным образом ни разу не позвонил и не написал за время моего отсутствия.

На светофоре я заглянула в бардачок в поисках завалившегося флакончика духов, но так ничего и не нашла среди бумажек, квитанций и начатых пачек салфеток.

Припарковавшись на привычное место, я глубоко вдохнула. Привкус горечи от казавшегося стойким запахом сигарет все еще терзал мою грудь. И это призрачное ощущение твоего присутствия не покидало меня, даже когда поднималась по ступенькам своего дома.

Пальцы все еще касались закрытой двери, когда я медленно выдохнула, прислушиваясь ко встретившей меня тишине внутри. Практически везде горел свет. Я по привычке оставила ключи от машины на тумбочке у входа, а сумочку на барной стойке, продвигаясь медленно, стараясь не сильно стучать каблуками летних сандалий.

Еще в машине я прокручивала сотню сценариев встречи с мужем после столь долгого отсутствия. Я не знала, что буду делать или говорить, что он спросит и какова будет его реакция, когда я признаюсь, что была на твоём спектакле. У меня не было сомнений в том, чтобы рассказать ему правду, поскольку мы всегда были честны друг с другом. Но также я помнила результат той неожиданной встречи в Нью-Йорке.

Свет в гостиной исходил от высоких напольных ламп, расставленных по углам комнаты. Дэниел полулежал на диване в расслабленной позе, едва ли не кричащей мне о его усталости. Он спал. На стеклянном столике стояла недопитая чашка чая, а на коленях у него лежал раскрытый сценарий, прочитанный менее чем наполовину.

Я знала, что его рейс приземлится во второй половине дня, а это значило, что домой он вернется не раньше ужина, но я решила во что бы то ни стало воспользоваться последним шансом и пойти на спектакль, чтобы обязательно встретиться с тобой.

Мысленно порадовавшись, что ни один из возможных сценариев моего глупого оправдания не потребовался, я тихонечко расстегнула застёжки сандалий и на носочках прошла к шкафу, что накрыть своего мужа пледом, отложив сценарий на столик перед ним.

Сердце бешено забилося в груди, когда Дэниел пошевелился, переменив позу, но продолжил дальше спать. Нечаянно локон его черных, как крыло ворона, волос выбился из причёски.

Мне захотелось дотронуться и убрать его, но я сдержалась, сильнее всего желая сейчас чтобы он не проснулся, а я могла смыть с себя влажный пот и навязчивый запах сигарет.

Еще немного убедившись, что Дэниел крепко спит, я потушила свет в кухне и взяв с собой сумочку, поднялась наверх в спальню. Здесь также горело освещение. Дэниел вообще имел привычку всюду включать источники света и практически никогда не выключал их за собой. Исключением была только пустующая комната по соседству со спальней.

Мы были там всего пару раз вместе после покупки этого дома, пытаясь представить себе, как украсим ее, что купим и где разместим, когда в нашей семье станет одним человеком больше. Я предложила временно переделать ее в комнату для гостей, на случай если мои родители захотят приехать. Дэн согласился, но время шло, он закрутился в очередных съемках, а мне было не до этого со всеми анализами и распаковкой прибывающих в новый дом коробок. А превращать ее в детскую мы не спешили, поскольку оба считали дурным знаком навязчивое желание подготавливать комнату еще не существующему младенцу. По этой причине она стояла в гордом темном одиночестве, захламленная пустыми коробками, которые мы еще не успели отправить на утилизацию картона.

Не раздумывая, я направилась в ванную и включила воду, омывая руки с мылом. Прodelала я это два раза, стараясь унять дрожь в коленях и дико пляшущее в груди сердце. Мокрыми ладонями я попыталась прощупать волосы, принохиваясь, стремясь понять, насколько плачевно от меня разит сигаретами. Однако запах был не только на волосах, но и на одежде. Ощущение, словно он был внутри, в чувствах, в самом моем сознании. И не давал покоя.

Я никогда прежде не обманывала Дэниела. Но ведь я и не планировала ему лгать, успокоив себя тем, что скажу ему, когда он проснется. Сон после перелетов, дороги и ночных пересъемок был ему нужнее, чем мои признания: «Пока ты спал, знаешь, я была на спектакле Шона Кейна. Помнишь? Того самого, к которому ты дико приревновал меня четыре года назад».

Глупости!

Я расстегнула платье, включила душ и встала под горячие струи воды, старательно намыливаясь и пытаясь окончательно избавиться от ароматов паба. А когда я протерла запотевшее зеркало и посмотрела в него, то снова встретила себя прежнюю – ту Джейн, которую привыкла видеть день за днем в отражении зеркал этого дома.

Накинув халат, принялась сушить волосы феном, то и дело поглядывая на светло-зеленый комок ткани, отброшенный на пол. Платье напоминало мне о проведенном с тобой вечере. Глаза твои то и дело призраками прошлого смотрели на меня. А лишь представив себе твою улыбку, я тотчас усмехнулась сама, неожиданно раскрасневшись от нахлынувших чувств.

Память вернула меня в тот момент, когда ты стоял передо мной с сигаретой в руках, и сизый дым медленно окутывал нас в вечерней влажной прохладе, едва только я подняла с пола платье и вдохнула запах воспоминаний. Я уловила тонкую нотку твоего парфюма, прикрыв глаза и возвращаясь в тот момент, когда вернула тебе телефон.

– Джейн? – неожиданно раздалось из-за двери. Словно преступник, я поспешно кинула платье в корзину для стирки белья, накрыв крышкой.

– Я здесь! – крикнула, откашлявшись и пытаясь унять очередной неровный стук сердца.

Дэниел заглянул в ванную комнату в момент, когда я расчесывала волосы.

– Прости, я жутко вымотался за эти дни. Меня вырубил. Долго я спал? Ты давно пришла?

– Да. Главное, что ты отдохнул и выспался, – ответила я с улыбкой, по необъяснимой для себя причине не признаваясь, что вернулась каких-то полчаса назад.

Он зашел в комнату и обнял меня сзади, вдыхая свежий аромат шампуня, целуя в макушку. Я как раз наносила крем на лицо и руки под пристальным взглядом его серо-голубых глаз.

– Черт! Теперь весь график сбил. Ты уже ложишься?

– Еще нет.

– Где ты была? Гуляла?

– Ездила в книжный, – я бездумно выдала первое, что пришло мне в пульсирующую от напряжения голову.

– Ничего не купила? – спросил Дэн с озорной улыбкой на губах.

– Не смогла выбрать. Вернусь туда на днях. Не хотела ехать обратно в ливень. Пришлось переждать в местном пабе.

– Это правильно. Да, я как раз под шум дождя и уснул. Кстати, ты не видела мой телефон? – Дэниел скрылся за дверью спальни, оставив меня наедине с собственным отражением в зеркале.

Я радовалась, что он не заметил ни моего напряжения, ни легкой дрожи в руках, скрытой в хаотичности действий.

Я смотрела на ту Джейн и мысленно спрашивала, почему она до сих пор боится признаться своему мужу, что просто была в театре. Ему совсем не обязательно знать о встрече с тобой после спектакля. Неужели он бы не поверил своей Джейн, признайся она, что сходила на пьесу и тотчас поехала домой?

– Нашел, – Дэн резко появился в дверях с телефоном, захватившим все его внимание.

– Оставил его в сумке, которую так и не разобрал, представляешь? Я буду в гостиной. Нужно ответить на пару сообщений.

Я молча кивнула.

– Ты в порядке?

– Просто немного устала, – сказала я, пытаюсь непринужденно улыбнуться. Скрывать свои мысли, чувства и все, что случилось этим вечером, даже тот запах, напоминавший мне о тебе, было крайне сложно. Не так я себе представляла вечер дома.

– Я проголодался. Закажу доставку еды. Ты что-нибудь будешь? – произнес он, напоследок глянув на меня в ожидании ответа.

– Уже поздно. Я лучше почитаю и лягу спать.

Пальцы снова задели волосы, словно я пыталась убедиться, что запах моей лжи ушел. Дэниел продолжал листать телефон, и, по всей вероятности, даже не заметил ничего необычного в моем поведении.

– Хорошо, – Дэн снова приблизился, чтобы запечатлеть легкий поцелуй на моих губах, столь характерный для него пожелания «спокойной ночи». – Кстати, мы завтра обсуждаем с продюсерами Warner Brothers детали будущего проекта. Так что вскоре, возможно, мы полетим на съемки в Америку. Если подпишем контракт.

Я ничего не ответила, просто молча кивала.

Разглядывая черты его лица, густые растрепанные волосы, заспанные глаза и тонкие губы в такой близости, я наконец, ощутила себя вернувшейся на свое место – здесь, с Дэниелом, в нашем доме, в его родном городе, в стране принявшей меня.

Однако, момент нашей встречи в примерке не давал мне покоя. Я чувствовала, что жизнь моя должна двигаться дальше, но прошлое не отпускало. Словно тень, которую невозможно прогнать прочь.

– Ты не рада?

– Давай для начала вы подпишете контракт со Студией, – сказала я, пытаюсь вернуть себе прежнюю легкость в голосе.

Несмотря на то, что моя жизнь продолжалась, я ощущала, что встреча с тобой останется со мной навсегда. Неосознанным моментом на задворках памяти, где бы я ни была.

Я пообещала себе, что обязательно расскажу Дэниелу, что встретила тебя в Лондоне после всех этих лет.

Никаких секретов.

Но завтра. Когда появится подходящий случай.

Глава 7

51 день до твоего возвращения

ШОН: Вот уже несколько дней я пытался понять, зачем нас вновь свела судьба. И, казалось, ответ на этот вопрос где-то близко, лишь протяни руку и коснешься. Но я неосознанно отворачивался от него, а тот без промедления лопался прямо на моих глазах, подобно мыльному пузырю исчезая в одно мгновение, оставляя после себя ощущение недосказанности, обрушивая на меня беспомощность, от которой я так старательно убегал уже несколько лет.

Вторая наша встреча была еще более долгожданной.

Я считал неуместным свое желание просто позвонить тебе, потому ощущал себя пубертатным подростком, которому впервые предстояло начать общение по переписке с понравившейся девочкой. И несмотря на то, что я знал тебя гораздо дольше, чем воображаемый прыщавый мальчик, волнение, охватившее меня в то мгновение, было идентичным. Я долго не мог поверить, глядя на экран телефона, когда получил твое сообщение. Ты согласилась увидеться и назначила место и время.

Я непрерывно обдумывал детали предстоящей встречи, как будто это первая репетиция долгожданного спектакля. Вот только слов пьесы я не знал, а потому готовился импровизировать. Перебирал в уме всевозможные темы для разговора, то и дело останавливая себя и запрещая думать об этом, понимая, что будет невозможно уберечься от неловких пауз и неуклюжих вопросов, как это было прошлым вечером в пабе. Едва только телефон появлялся в моих руках, как я тотчас открывал нашу переписку, желая убедиться в реальности происходящего.

Захватывающее предвкушение преследовало меня вплоть до момента встречи в назначенном тобой месте. С самого утра город, люди вокруг, все казалось немного другим – ярким, живым, исполненным красками и звуками. В момент, когда твое лицо озаряется улыбкой, все страхи и сомнения отступают, а мои переживания и волнения оказываются напрасны.

Тот летний день в лондонском парке приятно удивил нас – небо было голубым, с легкими и редкими облаками, а солнце пригревало. Мы просто гуляли по уютным аллеям, не обращая внимания ни на что вокруг. Мы негласно решили не исследовать достопримечательности, в которых я смогу побывать с коллегами в свой выходной.

Меня удивило насколько уверенно ты себя держала на протяжении всей прогулки, не опасаясь, что кто-то в любой момент может выскочить из-за угла с фотоаппаратом, как это было несколькими годами ранее. Ты выглядела совершенно спокойной.

Идя по извилистым тропинкам, мы болтали о всяких пустяках – погоде, твоей жизни, моей карьере, – старательно обходя стороной тему Рейнолдса. Внутри меня нарастало чувство ностальгии и сладкой грусти – воспоминания о наших прогулках и встречах в колледже остро отзывались в сердце.

Говорить о гастролях, театре и семье оказалось проще. Озвучивая успехи, я вновь убеждался в правильности принятых мною решений, но каждый раз, когда наши глаза встречались, я ощущал, что за твоей улыбкой и уверенными ответами, за словами поддержки прячется что-то большее. То, о чем ты не желала говорить, но оно терзало тебя изнутри. Я смотрел на тебя с невыразимой тоской, когда ты этого не замечала. А за легкой, свойственной тебе игривостью таилось множество невысказанных слов.

Мы остановились у берега Темзы, чтобы насладиться видом. Город удивительным образом сочетал в себе архитектурные шедевры, такие как небоскребы Сити, старинные здания, зеленые парки и живописные улицы с яркими неоновыми вывесками. Широкая и величественная река текла спокойно, отражая солнечные лучи на своей рябой поверхности. У подножия небольшого моста дети всех возрастов, со взрослыми и без, кормили уток, что оставляли за

собой круги на воде. Даже в будничный день здесь было полно лондонцев, играющих в теннис и футбол, катающихся на роликах, велосипедах и скейтбордах. Легкий теплый ветерок шевелил листья на деревьях и заигрывал с твоими волосами, пока мы стояли там, переполненные воспоминаниями о прошлом и новыми впечатлениями.

– Никогда не думала, что окажусь с тобой на берегу Темзы, – заговорила ты, опираясь руками на парапет.

Я повернулся и на мгновение наши взгляды встретились вновь, как если бы ты украдкой следила за мной.

– Знаешь, я помню каждую нашу прогулку. Но у берегов Чикаго¹¹ мы так и не успели побывать.

– Да. Вы тогда с Томасом обещали нам летнюю поездку не то на лодке, не то на теплоходе?

– Господибоже, как давно это было! – рассмеялся я, вспоминая как мы с парнями в действительности строили планы арендовать катер для своей маленькой компании.

Ты вздохнула, глядя на горизонт.

– Незабываемое время – колледж.

– Свобода, равенство, любовь, – проговорил я вслух гимн молодежи, ходивший то и дело по кампусу во времена, когда мы все были вместе. Ты смеешься, оглядываясь по сторонам, в надежде убедиться, что мой громкий возглас не привлек к нам ненужного интереса. – А что – британцы живут по иным принципам? – заговорщицки прошептал я, наблюдая прохожих, среди которых смешались представители разных субкультур и офисные работники.

Никто даже не смотрел на нас, хотя мне казалось, что к тебе будут обращены взоры всех вокруг – настолько ты была очаровательна и элегантна в своем светлом летнем платье с двумя рядами пуговиц и широким кожаным поясом, подчеркнувшим твою фигуру. Куда подевалась девчонка, которую я видел в объемных кофтах и кедах с оранжевыми шнурками?

– Как на счет твоих друзей? – поинтересовалась ты.

– У меня довольно обширный круг друзей. Тебе нужен кто-то конкретный?

Ты спрятала свою улыбку в ладони, которой поддерживала подбородок. Телефон пикинул, и я вытянул его из заднего кармана брюк.

– Как там Томас? Вы все еще общаетесь? – спросила ты, не без любопытства разглядывая меня, пока я был увлечен полученным сообщением.

– Не поверишь, но вот Том как раз написал! – засмеялся я. – Давай сделаем ему сюрприз и отправим нашу фотографию?

Я держал телефон на вытянутой руке, другой приобняв тебя, тогда как ты кокетливо посмотрела в камеру, прижавшись поближе, и улыбнулась. Клик – и вот уже наш общий друг стал свидетелем нечаянного воссоединения, в которое я все еще не верил, просыпаясь по утрам.

– Томас будет приятно удивлен.

– Как они?

– Нет никаких «они».

– Что произошло? – поразилась ты.

– С чего бы начать. Если помнишь, они должны были сыграть свадьбу, когда узнали, что Кэрл беременна.

– Я помню, ты упоминал о ее беременности.

– Ну, они отложили свадьбу до лучших времен, поскольку она не хотела фотографий с животом и все такое. Том был согласен на любой ее каприз в тот период. Он был невероятно счастлив, что станет отцом, хоть все вокруг и утверждали, что это рановато для них.

¹¹ Одноименная река, проходящая через город Чикаго, включая и бизнес-центр города.

Телефон снова ожил. Томас прислал нам свою фотку, на которой изобразил потрясение. Я рассмеялся, показывая тебе его ответ. А следом он дополнил переписку серией фотографий с воздушным поцелуем (до сих пор надеюсь предназначенным тебе) и с пальцем вверх. В очередной раз напряжение между нами спадало, благодаря виртуальному присутствию общего друга.

– Что же произошло? – снова спросила ты, пока я строчил Томасу ответ его колким напоминаниям о том, что ты давно замужем, и что «*все это добром не кончится*».

Тогда мне честно хотелось доказать ему, как сильно он ошибается. Мы же просто старые друзья по колледжу. Нет ничего предосудительного в том, что мы были когда-то давно влюблены. С кем не бывает?

– Как оказалось, – я убрал айфон обратно в карман брюк, облокотился на каменный парапет, теребя дужки очков в руках, – *ребенок* был не от него. И практически сразу после расторжения помолвки и разрыва, Кэрол вышла замуж за какого-то музыканта из своего родного города, по совместительству отца ее ребенка. Вероятно, там она с ним и изменяла. Затем последовал развод, а потом еще один брак с владельцем суши-бара в Лас-Вегасе. И это все за пару лет. Томас очень сильно переживал их расставание. С нашей с тобой последней встречи на вечеринке у Бэкерса все очень круто перевернулось в их жизни. Я тогда очень боялся за него. Пришлось даже пожить с ним некоторое время.

– Хочешь сказать, он пытался... покончить с собой?

– Нет, что ты! Но он просто, действительно, очень сильно переживал. Новые подробности их совместной жизни выливались на него как из рога изобилия. Он даже потребовал сделать ДНК-тест на отцовство. Настолько его не убедили ее признания в изменах, совершенных еще во времена их отношений.

– И тест расставил все на места?

– И тест расставил все на места.

– Господибоже, Кэрол? *Никогда* бы не подумала, что она так поступит с Томасом! Эта парочка...

– Внутри каждого человека, которого ты знаешь, есть человек, которого ты не знаешь. Правда жизни. Зато у Кендис и Бенджи все сложилось гораздо удачливее.

– Ты что-то слышал и от них?

– Неужели ты перестала со всеми общаться? – пришло мое время удивляться. Тебе было любопытно узнать о наших однокашниках, о людях, с которыми ты проводила порой даже больше времени, чем я. Вот настолько твоя жизнь повернулась на 180 градусов.

– Я знаю только, что Саммер переехала в Нью-Йорк, получив работу в одной из редакций местного журнала. – Снова этот виноватый вздох. – Мы изредка переписывались в электронке. Еще знаю, что она иногда помогала Кендис, предлагая редакции купить ее фотографии.

– Да. А Бенджи, наконец, исполнил свою мечту о кочующем образе жизни.

– И как только Кендис на это согласилась?

– Любовь, – ответил я, стараясь снизить градус иронии в своем голосе.

– Точно.

Ты кивнула, снова спрятала глаза за темными стеклами очков, и мы двинулись дальше вдоль реки, без слов вспоминая, что держали путь в ближайшую кофейню. Комфортная тишина стала казаться излишне долгой. Я осознал, как изменились судьбы близких прежде людей, подчиняясь движению времени, из года в год, из месяца в месяц, из дня в день. Наша история тоже не могла уже быть такой, как раньше. И даже годы молчания не были тому опровержением.

Я бы мог остановиться и сказать, как долго думал, что это я отпустил тебя тогда, но внезапно понял, что так никогда и не отпускал тебя. Я отпустил *себя*. Пытался забыть, замылить твой образ, накладывая поверх идеального полотна с твоим изображением десятки других. Но

как это случается в моменте реставрации, когда обнаруживается, что под новым слоем краски имеется совершенно другая картина – мое «раскаяние»¹² не требовало рентгеновских лучей и инфракрасных сканеров, как и последующей кропотливой работы реставраторов. Ты просто появилась в моей жизни и все слои с треском осыпались, высвобождая твой облик.

Мне было проще думать, что ты все решила сама, выбирая свой путь.

И в тот момент, в этом летнем парке, среди шума птиц и ласкового солнца, что-то начало меняться. Это был первый шаг – маленький, но решающий. Не было больше страха потерять друг друга. Никто не говорил «да» прямо, но оба соглашались с тем, что мы постараемся впредь никогда не потерять связь. Оставим дверь приоткрытой. Чтобы у каждого был шанс на общение. Твоя привязанность к Дэниелу, преданность ему и отчасти обремененность союзом с ним более не были преградой. Все, что было упущено за эти три года, мы вполне в силах наверстать, не глядя на то, что у тебя муж, обязательства, оба мы выбирали других людей, дающих нам стабильность, в которой так отчаянно нуждается любой человек. Мы сможем найти баланс между тем, кем мы были, и тем, кем могли стать. Между прошлым и настоящим.

Свернув с набережной, мы шли к выходу из Баттерси Парка по вымощенной старым булыжником дорожке, где вскоре заглянули в первую попавшуюся маленькую кофейню за напитками.

– Я не знаю, как ты это выдерживаешь, но кофе в Лондоне – это катастрофа! – негодовал я, поморщившись после первого глотка, недоверчиво разглядывая содержимое стаканчика. – Такое ощущение, что для британцев эспрессо – единственно существующий вид кофе. Нет палитры вкуса. Никаких ноток, словно зерна прожарены до состояния уголька из преисподней.

– Рада, что теперь мне есть с кем обсудить эту проблему, – подхватила ты стараясь говорить так, чтобы тебя не услышал никто из посетителей.

Дверной колокольчик с переливом в очередной раз дернулся, когда дверь за нами захлопнулась, а мы направились вперед по улочке, продолжая нашу прогулку.

– Не хочу показаться привередливым, но мне действительно сложно представить, как ты терпишь этот кофе каждый день.

– Ну, во-первых, привычка, Шон. И знание, где *не стоит* покупать кофе, – ты улыбнулась и снова скрыла свои глаза за очками. – И собственная кофемашина. Зато сколько у них видов чая!

– Не удивительно.

– Я подскажу пару мест, где ты сможешь попробовать хороший американо.

– Спасибо.

Я нечаянно вспомнил как несколько минут просто таращился на доску с перечнем напитков в один из первых дней, когда только прилетел в Лондон. Мы с Фэллон тогда имели неосторожность заказать себе по чашечке флэт вайт, не подозревая, что получим простой разбавленный большим количеством воды эспрессо и увенчанный тоненькой шапкой взбитого молока, довольно плотного и гладкого.

– Вот почему кофе не может быть универсально запатентован?

– Например?

– Как McDonald's.

– McDonald's?

– Да. Ведь их строгие стандарты рецептуры известны во всем мире. И в каком бы уголке планеты ты не находился, они стремятся к тому, чтобы клиенты могли рассчитывать на единообразие вкусов: чизбургер и картошка-фри *стабильно* напомнит тебе родные места. Согла-

¹² Иногда художники вносят в свои живописные работы последующие изменения и исправления. Это называется «repentimento». С итальянского это слово переводится как «раскаяние, сожаление». Это явление может раскрыть интересные детали о творческом процессе художника и его первоначальных замыслах. Оно часто вызывает большой интерес среди искусствоведов и коллекционеров, поскольку дает возможность заглянуть в историю создания произведения искусства.

сись? Вот почему нельзя сделать подобное? В Чикаго ты *просто говоришь*, что хочешь кофе, и получаешь его. А тут я будто сдаю экзамен несколько раз в день.

Совершенно неожиданно ты остановилась передо мной, преграждая путь. Осторожным движением сняла пластиковую крышечку со своего бумажного стаканчика, дабы не пролить напиток на платье и протянула мне.

Я с недоумением посмотрел на тебя, но все же принял напиток. А сделав глоток, мои глаза немного округлились от удовольствия. Вкус идентичен с тем, что я держал в своей руке, но был менее отвратителен за счет грамотного соотношения сахара и молока.

– Не так хорошо, как в Чикаго, но и не противно.

– Сноб, – ответила ты, слегка склонив голову на бок, пытаясь скрыться в моей тени, поскольку солнечные лучи пытались заигрывать с тобой, ослепляя своей яркостью, мерцая в переливах огненных волн твоих волос.

– Похоже, для тебя Лондон не так уж плох.

– Первое впечатление всегда обманчиво. Просто нужно знать, *что* заказывать.

Я использовал любую возможность вновь запомнить тебя, когда мне выпадало хотя бы несколько секунд наблюдать за тобой. Я восхищался тем, как ты с легкостью ориентировалась в местных привычках, чувствуя при этом себя немного растерянно. Ты была все еще той Джейн Фостер, которую я знал, и все же было в тебе много нового. Стала еще красивее, намного более женственнее, не скрывая свою фигуру за безразмерными куртками и кофтами, коими пестрил твой гардероб в студенческие годы. А еще я ощущал едва заметный незнакомый мне аромат – ты была *его* женщиной.

Вновь и вновь крутился невысказанный вопрос, как жвачка в голове – мысли пролетали, не успевая завершиться – как ты справлялась со славой своего супруга все это время? Признаюсь, я думал, что придется бесконечно прятаться при наших прогулках от назойливых папарацци, ведь ты была под их прицелом практически с самого начала отношений с Рейнoldsом. И каково же было мое удивление: ты умело абстрагировалась от окружающих, ничем не отличаясь от обычных лондонцев на переполненных людьми улицах.

За свое короткое время пребывания здесь я заметил, что вне зависимости от времени суток, Лондон чем-то напоминал мне Нью-Йорк, с одной лишь только существенной разницей – кричащая отовсюду индивидуальность каждого жителя города, прочно соединялась с чопорностью традиционной английской архитектуры, неумолимо перетягивающей на себя одеяло броского для нового глаза контраста.

И вот в этом шумном океане лондонцев, ты научилась не выделяться. Конечно, я видел и смотрел только на тебя, но помня, как ты осторожно вела себя в пабе тем вечером, оглядываясь по сторонам, я готовился быть рыцарем, что защитит тебя от любой неприятности.

В моей голове столько раз мелькали сценарии нашей прогулки и вот оно – то неловкое молчание, которое с любой другой девушкой ощущалось бы трелью сверчков, когда не знаешь, чем заполнить пространство и время. Но с тобой это всегда была комфортная, пускай и чуточку неловкая тишина. Это же была *ты*. Моя Калери.

– Куда пойдешь теперь?

– Есть у меня одно место, которое я хочу тебе показать. Здесь как раз совсем недалеко.

Я последовал бы за тобой даже на край света, но ты повела меня по узким лондонским улицам в дни жаркого июльского лета.

Еще вначале мы договорились обходить стороной общедоступные туристические места, избегая возможности попасться на глаза вездесущих папарацци. Я уже давно не являлся тем, чья личная жизнь интересует американскую прессу, все-таки театральная карьера была более спокойной и менее пестрящей заголовками и первыми полосами. Но крупницы твоей картины мира я мог собрать исключительно из интервью Дэниела, а в последнее время он перестал прямо отвечать на вопросы относительно своего брака.

Я не мог избавиться от ощущения, что этот «*британский гений кино*», чья слава заполнила весь мир, мерцал на горизонте даже когда никто из нас ни разу не упомянул о нем. Мне казалось странным то, что страницы ваших жизней были вообще как-то переплетены под одной обложкой.

Как Дэн мог выбрать тебя? А именно – почему?

В реальной жизни кинозвезды никогда не было места простой студентке с писательского факультета, американки, очень умной, талантливой и красивой, но – пойми меня правильно, Калери, – ты была во сто крат лучше, ценнее и значимее, и при этом, ты не была естественным продолжением его жизни.

Он мог выбрать себе женщину среди сотни знаменитых актрис и моделей, как поступают в мире шоу-бизнеса. Ты же не поддавалась стандартам уже тогда, в моменты нашего общего студенчества, когда писала о чувствах, о жизни, искала смысл в мелочах, которыми не интересовались другие, интерпретируя их в выдуманном фантазийном мире. Я успел достаточно вкушать этот мир пафоса, где на красных дорожках срывали аплодисменты не за мысли, которые ты уже тогда выкладывала на бумагу, а за внешность и бренды. Да, я помнил текст твоей рукописи. А еще я часто заглядывал в книжные магазины именно в разделы новинок, в надежде увидеть наконец знакомое имя.

И каждый раз видя тебя на обложках журналов в первый год после объявления о помолвке, мое сердце тревожно сжималось. Я читал ваше с Дэниелом интервью, где ты сидела рядом с ним, влюбленная, улыбающаяся, как всегда. Однако, я замечал гораздо больше в твоём взгляде, устремленном на камеру – смелость, нежность, несоответствие всему тому блеску и глянцу, окружавшему тебя со всех сторон. Я боялся, что однажды он задавит тебя своей слабой, что разрушит, пошатнет твоё основание.

Возможно, ты была той, кто видел в Рейнолдсе не только знаменитость, но и человека, мужчину, которому не были чужды страх, одиночество и боль. Я не мог знать всего этого. Я помнил, как сам нуждался неоднократно в искренних отношениях, не предвзятых, не основанных на популярности партнера. Искренность часто была скрыта за масками мира, в котором я жил не так давно, и в котором изо дня в день продолжала жить ты. И если я смотрел на окружающее через призму камеры или с режиссерского кресла, то ты словно умела выцепить тонкости жизни практически из всего.

Я повернулся к тебе, наконец, поравнявшись на пешеходном переходе, дожидаясь, когда загорится зеленый.

– Как поживают герои новых романов? Когда стоит ждать твою книгу на книжных прилавках? – я старался звучать бодро, однако заметил, как твоя на миг теплая ответная улыбка при упоминании о творчестве скрылась за тенью легкой грусти. – Ты же все еще пишешь, правда?

– В последние полгода не могу написать ни строчки.

– Что?

– Если год назад я с трудом подбирала нужные слова, то сейчас... Я практически перестала писать.

Мы уже давно миновали наземный пешеходный переход, когда я понял суть твоего признания, прозвучавшего как заурядное дело вроде мытья посуды после ужина. Я замер и поднял очки на лоб, чтобы прямо посмотреть на тебя.

– Но почему? – произнес я, когда ты с недоумением глянула в ответ, останавливаясь на несколько шагов впереди, понимая, что я уже более не иду наравне с тобой.

Приблизившись и взяв меня под локоть, потянула за собой дальше, не обращая внимания на толпу прохожих, обходивших нас словно мы были застрявшей баржей в океане бурлящей столичной жизни.

– Теперь я замужем. К тому же, мой муж – знаменитость. А это многое усложняет.

– Я бесконечно уважаю твой *чудовищный* выбор, ты же знаешь, но погоди-ка, когда это *быть женой* стало твоей работой? Ты знаешь, я давно хотел набить Рейнолдсу физиономию и, кажется, только что получил прекрасное на то обоснование.

– Прекрати, Шон! – наигранно ткнув меня локтем в бок, ты прикрыла свободной ладонью вырывающийся наружу смех.

– Нет, Калери! Я ожидал услышать что-то о ворохе новых написанных книг, а ты, стало быть, поддалась *его* влиянию, встроеилась в его жизнь, отринув себя.

– Дэниел здесь ни при чем.

– Тогда почему ты не пишешь?

– Я пишу... я... пытаюсь, – тяжелый и глубокий вздох. – Это сложно.

– В чем сложность? Я могу чем-то помочь?

Ты благодарно улыбнулась, на мгновение по-дружески прижавшись щекой к моему плечу. Едва заметное прикосновение, которое можно было принять за движение тела, когда уступаешь идущему дорогу. Мы все еще шли в неизвестном мне направлении, но я следовал за тобой.

– Поначалу жизнь, в которую я окунулась, была яркой и требующей все мое внимание. Мне казалось, что год-другой перерыва никак не повлияет на мое хобби...

– Хобби? Калери, у тебя талант! Это не... не просто хобби! Ты училась на писателя. Я, черт возьми, читал то, что ты называешь своим *хобби*. И поверь, это гораздо глубже и намного более значительнее.

– Я была глупа и наивна.

– Вовсе нет!

– Ты просто очень хорошо ко мне относишься.

– Это он тебе сказал? То, что ты глупая и наивная, когда занимаешься любимым делом?

– Перестань! Дэниел любит меня. И он здесь ни при чем. Не он садится каждый раз за светящийся экран ноутбука, не зная, что написать! Я просто... я словно разучилась *слышать*.

– Слышать своих героев?

В немом вопросе ты быстро глянула на меня и робко улыбнулась.

– Я *все* помню. А еще я помню, насколько ты талантлива. Чьи еще работы настолько восхищали преподавателей? Сама только вспомни.

Некоторое время мы шли молча. Я боролся с волной возмущения, в то время как ты явно обдумывала сказанные мной слова.

– Что случилось с той Калери, которая писала до глубокой ночи, наплевав на подготовку к экзамену?

– Во-первых, я это был зачет, а не экзамен. И я была готова, конечно же. Во-вторых, случилась жизнь. Дэн хочет, чтобы я жила нормальной жизнью, за гранью всей этой неразберихи, лжи и притворства. Вот мы и пришли!

Я даже не обратил внимания на запах свежей выпечки, когда ты замедлила шаг и остановилась перед витриной хлебопекарской лавки на углу неприметного здания. Внутреннее убранство манило к витрине теплыми огоньками и запахом шоколада и ванили, зазывая войти.

Мы заняли место в небольшой очереди вдоль прилавка, откуда можно было рассмотреть товар: румяные как солнце на закате булочки, блестящие от разноцветной глазури, и пышные круассаны с начинкой.

– Что ты хочешь попробовать?

– О нет. Пробовать будешь ты. Хочу угостить тебя самыми вкусными маффинами в твоей жизни.

– Неужели они лучше тех, что продавали в кафе кампуса?

Ты задумалась, а затем сморщила носик и насмешливо замотала головой.

– Ты просто должен попробовать. Поверь мне.

– И они лучше Данкин Донатс?

– Господибоже, как я скучаю по чикагским Данкин Донатс! – неожиданно вскрикнула ты, тотчас извинившись перед оглянувшимися на нас девушками в очереди.

Я едва сдержал смех, заметив любопытствующий взгляд продавщицы. Ты спрятала покрасневшие от стыда щеки в раскрытые ладони, однако глаза продолжали с неудержимой искрой поглядывать то на меня, то на ожидающих своей очереди покупательниц. Было так забавно наблюдать за тобой. И хотя мы были другими – повзрослевшими, прожившими небольшой отрезок жизни друг без друга, и все же оставались теми же. Мне хотелось верить, что я тоже не сильно изменился.

Ты учинила спор со мной на кассе за то, кто будет расплачиваться за шоколадные капкейки, но проиграла. Едва стоило мне забрать карту из рук кассира, как ты уже достала один из маффинов с хрустящей шоколадной корочкой и протянула мне, не отходя от стойки с витриной. Благо никого за нами не оказалось.

– Полагаю, это означает, что я должен попробовать прямо сейчас и у меня нет иного выбора?

Ты прикусила нижнюю губу в улыбке, смешливо кивнула и вздернула подбородок. Словно маленький ребенок, не отводя от меня глаз, предвкушая мою реакцию.

Я ощутил мягкость подогретого, немного влажного, но такого воздушного теста, целые кусочки шоколада, что растекались теплым, насыщенным вкусом во рту. Это было изумительно. Не так как те, что мы поедали в колледже четыре года назад, но сейчас, пробуя шоколадное пирожное в известной только местным жителям пекарне, я признавал то, что давно для себя понял, – с тобой все всегда было по-особенному вкусным, громким и ярким.

– Бесподобные, – простонал я, понимая, какую реакцию ты ожидаешь.

– Я знала, что тебе понравится! – радостно воскликнула ты, чуть ли не подпрыгнув, расплываясь в широчайшей улыбке.

Дожевав последний кусочек во рту, я слизывал шоколад с зубов, продолжая смотреть на тебя, такую счастливую, понимая, что без твоего присутствия эти маффины – с шоколадом или без – не стоят и цента.

Глава 8

49 дней до моего возвращения

ДЖЕЙН: В последнее время я сама порой прятала чувства, тревоги и печали за улыбкой или внешним спокойствием. Я научилась сдерживать эмоции, по кусочкам приклеивая к себе маску англичанки, словно строя защитный барьер вокруг. Как если бы кто-либо посмотрел на меня рядом с Дэниелом и более не мог сказать, что я *не та*, кто ему нужен, что я *недостойна*, что я *другая, не такая* как они. Те британки, что окружали моего мужа, где бы он ни находился. И ты каким-то немислимым образом подтолкнул меня к осознанию, что я ношу лживые маски, не подходящие мне ни по размеру, ни по цвету. И, возможно, пришло время снять хотя бы одну из них.

За три года совершенно другой жизни в новой стране, пускай даже с англоговорящими жителями, что не сильно отличалось, как если я переехала в страну, языка которой вообще не знала и не понимала бы, я научилась не слушать общество. В особенности со всеми окружавшими нас слухами, сплетнями и ежедневными вопросами фотографов, дожидавшихся с утра пораньше нас практически весь первый год.

Поначалу отношения с Дэниелом были полны невероятного тепла, а привязанность друг к другу казалась нерушимой и абсолютной, практически *созависимостью* – вот так сильно нам хотелось быть друг с другом, не расставаясь ни на секундочку. Но, как и леди Уиндермир из твоего спектакля, я, кажется, оказалась в ловушке собственного представления о том, что

должно быть в жизни, что в отношениях, а что – в любви. Мы обе построили вокруг себя мир, где наши роли были четко определены, где все должно быть правильно, без лишних шагов в сторону, без конфликтов и сомнений. И во всей этой «нормальности» даже не заметно, как наш выстраиваемый годами *мир* начинает трещать по швам.

Постепенно становилось все труднее игнорировать возникавшие во мне противоречия и скрытые недовольства, накапливающиеся на сердце. Я молча проглатывала и принимала происходящее за чистую монету.

«Так должно быть.»

«Ничего удивительного.»

«Он же мировая знаменитость! Конечно, они будут писать о нем. И, конечно, любой инфоповод отражается на его карьере.»

И на отношениях.

Так я думала задолго до того момента, как поняла, что выискиваю твою страницу в соцсети. Это было несложно. Ты не скрывался. А вот я не могла просто взять и написать тебе «привет! как ты?», хоть мне безумно хотелось. И твое появление, подобно Дарлингтону для леди Уиндермир, с твоим уникальным взглядом на жизнь и любовь, кажется вызовом моему привычному миру условностей и идеалов.

Честный, искренний и свободный, не обремененный ни обязательствами, ни опасениями. Есть то, что делает тебя таким особенным и привлекательным – ты не боялся быть собой, несмотря на возможные последствия. Леди Уиндермир пожертвовала своими истинными чувствами ради внешней стабильности и безопасности, бросив мужчину, который был ей ближе собственного супруга. Довольно типичный выбор в то время – менее рискованный, но с потерей настоящей любви.

И все же... этот поступок даже со сцены высветлял в моей душе тот внутренний конфликт между общественными ожиданиями и личными желаниями. В жизни с Дэниелом я подчинялась внешним нормам, часто диктующим что делать, как выглядеть и даже в какой ресторан нам пойти. Моя жизнь была как замороженный момент, в котором я боялась сделать шаг, не просчитав последствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.